

ОГУ "Этно-культурный центр
Ненецкого автономного округа"

Литературное объединение
"Заполярье"

Нарьян-Мар

Редактор:
Любовь Царькова

Фотографии:

И.А. Лавриненко, О.В. Лавриненко,
Л.В. Царькова, И. А. Артеева,
П.А. Рочев, А. В. Чупров

Адрес редакции:
166000, Нарьян-Мар, Оленная, 25,
ОГУ "Этно-культурный центр
Ненецкого автономного округа"
к.24. Тел. 4-23-43

© Все авторы, текст, 2007
© Царькова Л.В., макет,
редактирование, 2007
© Рочев Д.А., Рочев П.А., Выучейская
Е.Н., Выучейский П.А., рисунки, 2007

Отпечатано:
"ОМ-Экспресс"
г.Архангельск
тир. 500

КАРГОПОЛЬСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ	2
ЛИТЕРАТУРНОЕ СОБЫТИЕ ГОДА	7
ЮБИЛЕЙ:	
75-летие Прокопия ЯВТЫСОГО	11
ВЕЛИКИЕ ПОЭТЫ:	
Мария АВВАКУМОВА	46
ПРОЗА:	
Богатырь (старинная ненецкая легенда)	7
Александр КАНЮКОВ. Расправа	8
Инга АРТЕЕВА. За голосом Великого Нума	
(продолжение сказки)	12
Мегapolis	31
ЭТНЕ. Между светом	22
Неназванное	48
СТИХИ:	
Инга АРТЕЕВА	3
Иван ПЕЧЕРСКИХ	20
Матрена ТАЛЕЕВА	27
Валентина ГОРЧАКОВА	29
Игорь ЛАВРИНЕНКО	24
Лукерия ВАЛЕЙ	26
Ольга ПАШУН	28
АВТОБИОГРАФИЯ:	
Инга АРТЕЕВА	39
ДЕБЮТ:	
Алла ДРОЗДОВСКАЯ. История о рыжем ангеле	44
Вячеслав ТЮНЯЕВ	38
ПОЛЕВОЙ СЕЗОН:	
Игорь ЛАВРИНЕНКО	32
ШАРЖИ И ПРИКОЛЫ:	
Сергей МИТЬКИН	34
Валентина ГОРЧАКОВА	35
Ап. Петр и Дмитр	35

*Инэль Яшина, Елена Кузьмина, Иван Сабилло,
Сергей Куняев, Мария Аввакумова в Каргополе*

27-29 апреля в Каргополе проходил IV областной фестиваль молодых поэтов и прозаиков "Поэзия Севера - всегда молода..."

По традиции раз в два года он собирает литераторов.

Два члена ЛитО "Заполярье" участвовали в этом форуме.

Поэтесса Инга Артеева по результатам фестиваля стала членом Союза писателей РФ.

Инга Артеева

Н е з а б ы в а е м ы е д н и

Архангельск, Северодвинск, Онега, Вельск, Нарьян-Мар, Петрозаводск, Псков...60 поэтов и прозаиков со всей Архангельской области и некоторых прилежащих «губерний» показывали свое творчество руководству Архангельского регионального отделения Союза писателей России, выездному секретариату Правления СП РФ из Москвы и, конечно, друг другу. Литературный фестиваль в Каргополе, древнейшем городе на юге Архангельской области (который скоро отметит свое 860-летие) проводился в четвёртый раз.

На него были приглашены и нарьянмарцы: поэтесса Инга Артеева и литературный критик Любовь Царькова. Семинары проходили по трем секциям: две поэтических (50 поэтов) и прозаический (10 прозаиков). Каждому было предоставлено время для чтения своих произведений, потом все присутствующие высказывали своё мнение и критические замечания. В заключение обсуждения руководители семинара Инэль Петровна Яшина и известный каргопольский поэт Александр Логинов, Сергей Станиславович Куняев (зав. отдела поэзии журнала «Наш современник») и замечательная русская поэтесса Мария Николаевна Аввакумова, а на секции прозы - Елена Николаевна Кузьмина (АРО СП РФ) и писатель Иван Иванович Сабилло давали оценку автору. Естественно, такое обсуждение было полезно всем, благо, критика была конструктивная, а обстановка исключительно дружелюбная.

По результатам фестиваля Ингу Артееву рекомендовали для приёма в члены Союза писателей России. Её выбрали (единственную из пятидесяти поэтов), причем, обсудив стихи на одной поэтической секции, отправили на вторую и там она тоже показывала своё творчество. А на секции прозы, тем временем, говорилось о ее повестях «За голосом Великого Нума» и «Три богатыря из настоящего мира». На каргопольском фестивале Инга была настоящей звездой, лучше всех, ярче всех! Она, кстати, была единственной, у кого в течение фестиваля получилось написать новые стихотворения.

Поздравляем Ингу Артееву с высокой оценкой творчества и желаем счастья – в стихах, прозе и в жизни!

* * *

Зима позволила себе
 последний, дерзкий жест:
 Она, средь ласковой весны,
 украдкой, будто вор,
 Прокралась мышью из-за туч,
 и вдруг на все окрест
 Непрошенно накинула
 серебряный ковер.
 Но солнца тонкий нож порвал
 свинцовых туч набег,
 А теплый ветер возвратил
 всем неба синеву.
 Поплакал, как незванный гость,
 поднадоевший снег,
 И, уходя, поил собой
 зеленую траву.

Змей

Желтый змей – небесный трудяга,
 Он не вправе складывать крылья,
 Ведь на яркие крылья снизу
 Смотрит мальчик. И верит в чудо.

Под крылом беснуется Ветер,
 Уничтожить он хочет нити,
 Те, которые держит мальчик,
 Те, которыми связан с небом.

Только Змей – не хочет свободы.
 Знает то, что – поверь он Ветру,
 Он погибнет без этих нитей,
 Без тепла мальчишечьей веры.

* * *

По хрустким колючим льдинкам,
 По самому краю осени,
 Под взглядом зимы, стучащей

В тревожно-глухие окна,
 Идти мне ничуть не холодно:
 Я знаю - в конце дороги,

Почти на краю вселенной,
 Где пропасть неба бездонного, –
 С тобой суждена мне встреча.

* * *

Еще один день,
 стремглав, пробежал,
 торопливо роняя секунды.
 Еще один шаг
 к таинственной двери
 меж «быть» и, возможно, «не быть».
 Еще один сон
 плывет наугад
 по дорожке немислимо лунной.
 Еще одну жизнь,
 сама не желая,
 в том сне я пытаюсь прожить.
 Еще один путь,
 возможно, что он,
 не в пример моему, - безупречен.
 Еще одна смерть
 за жизнью чужой
 и насильно не будет мила.
 Еще один миг
 беспечно сберег
 для иллюзий еще одну вечность.
 Еще одну ложь
 о жизни и смерти
 непрошенно ночь принесла.

Колыбельная Нарьян-Мару

Занавесками вьюга задернула
 синее небо,
 И закаты мне больше не дарят
 в полнеба пожар.
 Моей песни лишь тот не поймет,
 кто на Севере не был,
 Спи, мой город, зимой отдохни
 от забот, Нарьян-Мар!
 Спи, мой город, ветрами и стужами
 накрепко скован,
 Спи, любимый невольник, в объятьях
 Зимы - мерзлоты.
 Длинной ночью полярною ты
 до весны околдован,
 В черном небе хрусталятся
 звезд ледяные цветы.
 Разукрасились белым и синим
 родные просторы
 И завывала пурга, как прощенная
 блудная дочь,
 Да, плененная льдом молодым,
 онемела Печора, –
 Воцарилась от края до края
 полярная ночь.

* * *

Жизнь кажется простой, а мир – уютным,
Когда тебе едва-едва за двадцать,
И даже шквалы ливня в те минуты
Звучат, как залпы дружеских оваций.

А время все бежит от встречи к встрече,
И кажется, что нужно торопиться,
Чтоб все успеть, себя увековечить,
Когда тебе едва минуло тридцать.

А в сорок понимаешь: жизнь – не сказка.
Уверен, рассудительно-спокоен,
Лишь отчего-то злой судьбой обласкан,
Кто менее тебя того достоин!

Не за горами шесть десятков, восемь...
Так с древа жизни опадают годы.
Весна не будет вечной, вот и осень,
Что сделаешь – таков закон природы.

И вот – дорос до мудрости. Наивный!
Ты в пьесе жизни роль шута играешь.
Послушай вновь аплодисменты ливней,
И убедись, что ... ничего не знаешь!

* * *

Прозвучали в прихожей шаги,
И, как будто пощечину врезал,
Он сказал: «Мы с тобой не враги,
Но – другой у меня есть долги...»
И ушел, хлопнув дверью подъезда.

Тихо плачет живая душа
В жестяной колыбели вагона.
Половодье обид вороша,
Стекленеет от горя душа,
И никак тех обид не прогонит.

...Время-лекарь продолжило бег,
Только слышали: где-то, под вечер,
На перроне измученный брег
В серой шляпке сошел человек –
Прямиком в незнакомую вечность.

Девичья

Ангелы на облаке -
Крылышки видать.
Милому – нелюбая...
Это как понять?

Выпил юность девичью,
Как упырь, до дна...
Будет сын сироткою –
Не ее ль вина?

Может, все бы сладилось,
Поросло быльем,
Да – с приبلудным матушка
Не пустила в дом...

Но зато – приветила
Быстрая река...
Плачут, плачут ангелы,
Мокнут облака.

* * *

Зачарована небесными высями,
Я стою одна у темной реки.
Ветер северный и здесь меня выследил –
Задувает звездных свеч огоньки.
Он поет о прошлых днях песни странные,
Нервно дарит мне чужую звезду,
За собой зовет меня в даль туманную,
Только я, пожалуй, с ним не пойду.
В старых соснах горько льет слезы вечные,
Треплет волосы сердито и зло...
Навсегда теперь со мной сны не вещи
Да надломленное ветром крыло.

* * *

В ожидании теплого ливня
Я стою, как отчаянный странник,
Что в погоне за птицею счастья
Свой оставил приют безрассудно.

Злое белое солнце нещадно
Льет незримый пожар на деревья.
Не трепещут бескровные листья,
Стекленеют, как мумии лета.

Но я верю - закроется небо
Синих туч долгожданным покровом,
И польются блаженные капли,
И безумящий зной прекратится!

И меня, и деревья, и листья,
И блестящие черные камни,
И иссохшие бедные реки, –
Все омоет священная влага.

Русь

Это лишь ты, Русь,
Песней зовешь стон.
Тяжка твоя грусть,
Страшен души сон.
Даже слеза – яд,
Даже любовь – боль,
Жестче чужой взгляд,
В ранах – одна соль.

Все, что осталось от Родины,
Нынче идет с молотка,
Пропито, съедено, продано,
Проиграно в «дурака».

Боль ледяных глаз
Яростней стократ,
Если, где жил сказ,
Ныне царит мат.
Все, что вокруг – ложь,
Все, что в душе – хмарь.
Дай дураку грош –
Будет дурак – царь.

Это не век плох,
Это всегда так:
Каждый себе – бог,
Каждый себе – враг,
Каждый себе – друг,
Каждый себе – суд...
Лучшее все – вдруг,
Сны и мечты – врут.

Ложь не всегда во спасение,
Ангелы смотрят на нас,
Все же наступит прозрение,
Судный приблизится час!

* * *

Если есть у тебя любовь –
Сохрани ее на всю жизнь,
В сердце бережно пронеси
Через сумерки будних дней.

Если нет у тебя любви,
Значит, где-то она спешит,
Чтоб хозяйкою навсегда
Поселиться в душе твоей!

* * *

Когда-нибудь все остановится,
Когда-нибудь все прекратится,
И старая дура – бессонница
Твоя в долгий сон превратится.

Но – сбудется все предреченное,
Поднимут архангелы трубы,
И душу, уже обреченную
Разбудят нещадно и грубо.

* * *

Как стареют зеркала!
Вы не замечали?
Появляются в углах
У зеркал печали,
Время щедро раздает
Зеркала морщинки:
Отражение мое –
Трещин паутилки.
Приглушили блеск стекла
Серые метели...
Занавешу зеркала,
Чтобы не старели.

Легенда

Тихо шепчутся волны,
Ты прислушайся, путник,
И откроются сердцу
Все предания древних...

*«Это было в то время,
Когда землю пустую
Населяли лишь духи
И холодные камни.
Звезды тихо смотрели
В серебристые волны
И стояла над морем
Ледяная царица.
Был спокоен и страшен
Взгляд холодной богини,
Даже духи боялись
Мертвых глаз Королевы.
Но не знала Богиня -
ЧТО хранит в себе море:
В молчаливых глубинах,
Под безмолвною толщей,
Там доверчиво тлеет
Огонек осторожный, –
Это тихо в пучине
Зреет юное Солнце.
И не знала царица,
Что в пронзительной выси
Небеса голубые
Холят белую Птицу.
И пророчество было,*

Позабывтое ныне,
 Что не вечно господство
 Ледяной Королевы.
 И однажды – свершилось!
 Буйно вспенилось море
 И могучие волны
 Щедро вскинуло к небу,
 И откликнулось небо:
 На пушистых ладонях
 Облака опустили
 В волны нежную Птицу.
 Серебристые крылья
 Поглотила пучина,
 И в пугающих водах
 Птица белая скрылась.
 И вернулась обратно,
 И на крыльях держала
 Долгожданное чудо –
 Огонек невесомый.
 И увидев несмелый
 Лучик юного Солнца,
 Страшно вскрикнули духи,
 И явилась мгновенно,
 Вся в полярных сияньях,
 Как в блестящих доспехах,
 Ледяная Богиня.
 Чтоб убить тонкий лучик,
 Полетели нещадно
 В Солнце острые стрелы
 И алмазные копы.
 Предвкушает победу
 Ледяная Богиня,
 Но закрыла собою
 Солнце белая Птица.
 Голубые кристаллы
 Ледяной Королевы
 Горько ранили Птицу
 В обнаженное сердце,
 И заплакала Птица,
 И упала на камни,
 И горячею кровью
 Обожгла эти скалы.
 И от этого жара
 Благородного сердца
 Содрогнулась и пала
 Ледяная пустыня –
 Во мгновение ока
 Все обрушились скалы,
 И под ними погибла
 Ледяная царица.
 Взмыло юное солнце
 Прямо в самое небо,
 Осветило всю землю
 И тепло подарило.
 Все наполнилось жизнью
 Благодатного Солнца,
 По сей день оно ходит
 Между небом и морем.

Но никто из живущих
 Никогда не увидит,
 Как на месте заветном

Между морем и небом
 Плачет старое Солнце
 Над могилкою Птицы».

Тихо шепчутся волны,
 Говорят с облаками,
 Ты прислушайся, путник,
 И услышь этот шепот.

Ангел

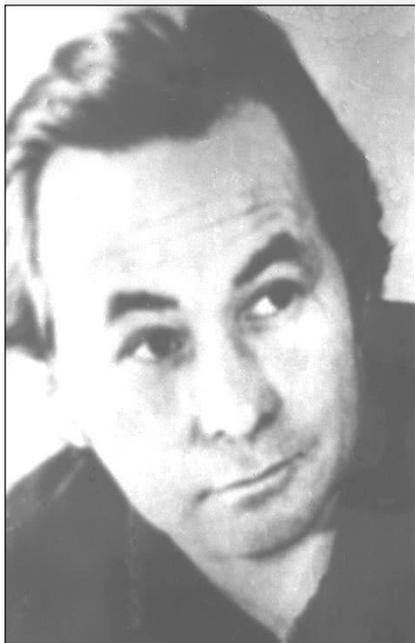
В дом бесплотно вселившись,
 Подлетел к изголовью
 И заботливо гонит
 Невеселые мысли,
 Чтобы мне, утонувшей
 В заповедной дремоте,
 Перед сонным затишьем
 Петь сказанья о вечном.

Он приходит в то время,
 Когда сны наготове.
 Злые сны предвкушают
 Как в тумане сознанья
 Будут призраком счастья
 И жестокой надежды
 На покой и смиренье
 Мучить бедную душу.

Но одним мановеньем,
 Взмахом крыльев безгрешных
 Он прогонит кошмары,
 Успокоит обиды,
 Злое сделает добрым
 И осушит все слезы, –
 Ведь недаром приставлен
 К душам Ангел-хранитель.

И проснувшись однажды
 Не в тоске, как обычно,
 А с душой просветленной,
 Я искать его стану...
 Ветер стукнет в окошко,
 И послышится голос:
 «Пока будешь живою,
 Ты меня не увидишь...»

В год 75-летия готовится книга

Расцвет творчества талантливого ненецкого писателя и журналиста пришелся на 60-е – начало 70-х годов прошлого века. Александр Канюков прожил короткую жизнь. Он оставил две книги «Мой ясовей» и «Нюдяко – сын Валея» и более 300 статей, путевых заметок, очерков в газете «Няръяна вындер». Проза Канюкова, писавшего на русском о жизни ненецкого народа, – образец прекрасного литературного языка с элементами печорского говора. К сожалению, за сорок лет его творчество было практически забыто.

Идея издания его большой книги была высказана журналистом и краеведом Л.Ю. Корепановой в докладе о творчестве писателя на конференции «Ненецкая письменность и развитие национальных традиций народа» в 2003 году. Людмила Юрьевна сделала общую редакцию этой книги, которая выйдет к концу года. В «Сочинениях» представлены все грани творчества замечательного ненецкого прозаика. Познакомьтесь с ненецкой легендой в его переводе.

Богатырь

Ненецкая легенда

Когда-то в горах Тимана жил жестокий Харючи – враг людей и всего живого на земле. У него было каменное сердце и глаза тоже из камня – из льдистого Тиманского камня. А камень разве может радоваться и плакать?!

В груди Харючи жила лишь одна зависть, черная зависть – злоба.

Поднималось солнце – люди радовались, травы тянулись к свету, олени привольно паслись на зланных пастбищах, а Харючи – каменное сердце – никак не хотел простить солнцу и людям, птицам и травам, оленям и зверюшкам, что они радуются.

Однажды, когда солнце только-только стало всплывать из-за Тимана, Харючи обрушил на него целые горы камня. До сих пор на хребте видны следы жестоких рук Харючи – весь он разрушен.

А без солнца какая жизнь! Разве можно жить без солнца! Люди тундры ослепли. Земля обледенела. Остались ли живыми олени, кто знает. Есть ли рыба в озерах и реках, никому не известно.

Сидели ненцы в холодных чумах долго, много веков. Холод мучил сильнее голода, а голод сильнее холода. Однако не все вымерли. Тот, кто сумел сохранить в сердце драгоценное тепло солнца, не умирал.

Но однажды из-за гор Тимана подкрался в тундру слабый луч света. Все, кто жив остался, побежали туда, на свет. А там большая война шла. Красавец-богатырь с Харючи воевал. Схватит камень с горы, под которой Солнце захоронено, и бросит в Харючи. Жестокий Харючи скалы ворочает, в богатыря швыряет. Такой гром стоит, будто небо рушится.

Кто знает, чем бы битва окончилась. Но на помощь к богатырю со всех земель пришли люди: солнце ведь всем было нужно. Ненцы тоже пришли помогать. Не один, а много тысяч камней обрушилось на жестокого Харючи. Вот богатырь последний камень бросил в врага, и освобожденное солнце взлетело на середину неба. Всю землю оно согрело, отогрелась и тундра. Жизнь на ней хорошая стала, лучше чем когда-либо.

Расправа

Как-то в конце лета, когда солнце лениво покинуло свою удобную постель на травянистой вершине Яней-сопки, выехал с колхозной базы к себе на стойбище старый пастух Иван Нохо. Порой он ворчливо покрикивал на подсаночных оленей, а потом снова затягивал бесконечную грустную песню — ярабць.

Совсем недавно он посадил на пароход сына Максима и сразу же, повернув оленей, вскачь погнал их обратно в тундру.

Вот и тоскливо старому Нохо, невесело. Хотел он видеть сына рядом с собой, надеялся, что выйдет из него умелый пастух, что тынзей младшего Нохо будет любого оленя ловить за шею. А разве не радовался бы отец, если бы в День оленевода рысистые подсаночные Максима вихрем проносились мимо своих соперников! В туман ли — осенью, в пургу ли — зимой, у него, а не у других спрашивали бы люди дорогу, куда ехать.

Но тот, младший Нохо, не захотел ходить по тундровым летним дорогам-воргам да оленьим тропам. Закончил в поселке школу и дальше подался учиться, в Ленинград-город уехал. А к родителям заезжает только летом и то ненадолго. Все спешит куда-то. Как же тут не печалиться Нохо-отцу.

А лукавое солнце поднимается выше, пригревает старикиевские кости, и седая голова Ивана Нохо все чаще падает на грудь.

Но пусть никто не подумает, что старый оленевод так уж безнадежно грустит. Хотя и не будет Максим оленей пасти, в тундре жить, но в груди Нохо то и дело пробуждается хорошее чувство — гордость пробуждается.

...Сидит Максим в чуме в кругу своих сородичей и рассказывает о хороших людях, о Ленинграде, о небе, о звездах и о том, как люди туда полетят. Так интересно рассказывает, будто большую жизнь прожил, все видел, везде сам побывал. А в чуме слушают его и боятся слово пропустить, даже у дедки Микишки трубка совсем потухает.

Эх, будь теперь Максим рядом с ним, отец сказал бы, обязательно сказал бы сыну: «Хорошо!» Тогда же на языке Ивана Нохо не нашлось этого слова.

Солнце, между тем, поднялось так высоко, что тынзеем до него не докинешь. И еще теплее оно стало, потому, видно, и тяжелеют веки у старика, словно нарочно кто их сдвигает. Спать хочется крепко.

Иван Нохо заезжает на невысокий ягельный холмик и останавливает подсаночных. Отвязав тягло, добавляет к вожже кожаный тынзей и пускает оленей пасти. Сам же, растянувшись на санях, засыпает. И видит во сне, что идут они с сыном по сказочно красивому

городу, а люди крепко жмут ему руку и спрашивают: «Давно ли, товарищ Нохо, приехал к нам?» — и наперебой приглашают к себе: «Заходите с сынком в гости. Хорошего человека ты вырастил, товарищ Нохо...»

Старик просыпается. Все тело его зудит. Одной рукой он отмахивается от назойливых комаров, а другая по привычке шарит за пазухой, отыскивая кисет с табаком.

Нохо привстает на санях, смотрит вокруг, глаза протирает, смахивает с лица вдруг выступившие холодные капли пота и никак не поймет, куда же делись олени.

Соскочив на землю, он бежит к кустарникам, где привязывал оленей. Кусты вывернуты с корнем, смяты, трава истоптана, и нет нигде оленей.

Крепки еще ноги Ивана Нохо. Не того он боится, что не сможет дойти до стойбища. Другим встревожен оленевод: ему жалко колхозных оленей, снастей жалко (очень уж крепкие они были, хорошие!) Ведь он нарочно запряг самых лучших оленей в самую лучшую упряжь, чтобы с ветерком проехать вместе с сыном: пусть на всю жизнь запомнит, что старый отец на большую ногу зажил.

— Ой-ой... — горько стонет Иван Нохо, медленно шагая в сторону стойбища.

Пошли его олешки гулять по тундре. Может, в яре запутались? Может, волк уже загрыз? Пойди найди их! Разве ветер поймаешь в тундре! Почему испугались олени — не знает Нохо. Чем же он, простой колхозный пастух, прогневал бога — Большого Нума? Почему тот всю жизнь преследует Нохо?

Нет, не находит пастух за собой особой вины. Может, и бывало порой, что он забывал о Нуме, но разве это удивительно: новая жизнь так круто пошла в гору, что некогда было все старое упомнить.

Сородичи Нохо почти совсем позабыли о духах, а молодые даже говорят, что нет никого на небе, выдуманно все. И жизнь от этого стала совсем не хуже. Нохо-то уж знает, что раньше творилось в тундре и какой теперь она стала!

Отец всю жизнь батрачил у Виль-Паша, в батраках и умер. Иван сам выгреб в сырой земле яму, туда положил тело отца, сверху прикрыл зеленой травой, свежими морощечными листьями, запашистым багульником и навечно распрощался.

Виль-Паша сжалился: дал Нохо десять щуплых телят.

— Теперь, Младший Песец, ты сам крупный оленщик, — сказал он, ухмыляясь...

И стал Иван Нохо «олеником». Прошел год. Телята выросли в молодых быков, ласковых и рогатых, а Нохо все кочевал с места на место. Видели его то в поймах травянистых речек у моря, то появлялся Нохо в середине Канинской тундры. Богатый ли скачет на рысистых подсаночных или бедняк плетется на трех по-

нурых нетелях — всем приводилось видеть «стойбище» Ивана Нохо. Вот, приткнувшись к озеру, стоят повернутые набок сани, вблизи костер тлеет и десяток оленей пасется, — это его «куропачий чум».

Но вскоре над бедняком стряслась беда: потерялись, пропали его олешки. У многих тадибеев-шаманов побывал Нохо. Хорей, сани, снасти — все отдал, лишь бы они задобрили Нума и его духов, лишь бы вернулись к нему олешки. Не помогли шаманы, не сжалился Нум.

Тогда Нохо сам пошел на Болванскую сопку, палец свой порезал и вымазал кровью всех болванов. И после этого не нашлись олешки. Глух оставался Большой Нум! Наверно, не до горя Нохо ему было?!...

От былого немудреного хозяйства у бедняка осталась только рваная малица да тобоки без подошв.

Иван Нохо был молод, надо было жить, и вот он пришел с повинной опять к Выль-Пашу.

— Вот ведь, — обрадовался оленщик, назидательно обращаясь к батракам, — я давно говорю: батрак не может быть хозяином, потому что не дал ему Большой Нум ума. Так, Песец?

Нохо промолчал. И остался он батрачить при стойбище Выль-Паша, как отец раньше, как все другие. Днями таскал на себе дрова, воду носил, костры в чумах раскладывал, только к стаду его близко не пускали. Но у Ивана Нохо были острые глаза, и он однажды увидел, что его олени, повзрослевшие и тучные, гуляют в хозяйском стаде, и клеймо на ушах у них хозяйское. Но разве вернешь их!

...Молва на рысях помчалась по всем бригадам колхоза. Стар и мал заговаривали, что старик Нохо, возвращаясь навеселе из колхозной базы, куда он отвез сына-студента, в дороге заснул, а проснувшись, оказался на безоленных санях.

Оленеводы строили всякие догадки, сочувствовали Нохо, и куда бы ни поехали, всегда пристально осматривали поймы рек, кустарники, низины — не видно ли где утерявшихся подсаночных.

Со стойбища, где живет Нохо, каждое утро во всех направлениях выезжали олени упр

ряжки. Люди возвращались обратно уже к вечеру, — усталые, угрюмые, но не потерявшие надежды.

В таких хлопотливых поисках прошла неделя и, наверно, еще бы неделю-другую уезжали и вновь приезжали ни с чем олени упряжки, но в бригаду прибыл председатель колхоза

Ванюта и запретил гонять оленей без толку. Ослушаться председателя никто не мог: не стали больше оленеводы дни напролет бороздить олени тропы. Но когда пастухи находились на дежурстве в стаде или куда-нибудь выезжали, они заглядывали под каждый кустик, в каждую ложбинку. Не может быть, чтобы олени так бесследно исчезли!

А старик Нохо отчаялся в успехе поисков. И решил он еще раз обратиться за помощью к Большому Нуму и его земным посланцам — духам. В те далекие времена, когда богач Выль-Паш похитил его оленей, он, Нохо, был беден и ничего хорошего не мог пожертвовать Большому Нуму и, может, потому-то тот и не сжался над ним. Теперь-то

Иван Нохо крепко стоит на ногах.

Ночью, тайком от всех заарканив в стаде свою тучную важенку, старик увел ее на Болванскую сопку и пожертвовал духам. Возвращался уже утром. И надо же на пути встретиться с Ильей Вэнеканем! Тот, увидев Нохо, закричал еще издали.

— Дедушка Нохо, твоя черная важенка куда-то исчезла! Волк, что ли, задавил... А может, подарил кому-нибудь?..

Старик недовольно буркнул под нос: «Подарил» — и, стегнув вожака, быстрее ускакал от не в меру любопытного парня.

Стойбище шумело. Оленеводы обступили какого-то рослого мужчину и громко смеялись. Подъехав, Нохо узнал незнакомца — Митрофан, внук его. Его-то еще не хватало, охота же гонять оленей из такого далека.

Нохо был не в духе и, словно никого не замечая, прошел мимо столпившихся, но Митрофан окликнул его:

— Дедушка, здравствуй! Внуку, однако, не рад?

— Ну, здравствуй... Давно приехал? Заходи.

— Как же к дедушке да не зайду? Сегодня я у тебя самым большим гостем буду...

Митрофан прищурил смеющиеся глаза и взял старика за рукав малицы.

— Пойдем-ка туда, к моим саням. Большой, большой подарок тебе привез...

Не привидение ли это?!.. Закинув на спину ветвистые рога, олени, его быстроногие олени, смотрели на Нохо, который не помнил себя от радости...

Говорят, он нежно гладил оленей по спине, бормотал какие-то ласковые слова, а потом разглядывал их со всех сторон, как будто впервые в жизни их видел.

Вечером в чуме Ивана Нохо сошлось все стойбище. Митрофан снова и снова рассказывал:

— Выглянул утром из чума — вот леший!.. У самых дверей олени стоят, запряжены, а санок нет... Да это же олени, которые дедушка Нохо потерял!..

Все восхищенно цокали языками и, перекидываясь друг с другом выразительными взглядами, посматривали на Нохо: он улыбался, как луна в ясную ночь.

Здесь же был и Илья Вэнекан. Он, как назло, опять завел разговор об исчезнувшей важенке и сразу же испортил настроение Нохо.

— Моя, ведь, личная важенка-то, — рассердился Нохо, кому дело есть?.. Захотел и отдал... Может, и убил...

— Правильно, дедушка, олень твой был, личный, — согласился Вэнекан. — Только в тундре так уж заведено: с оленем что случится — все пастухи должны знать. Горе кому-нибудь в чум придет — все на помощь придут. Радость тоже все вместе делят...

Иван Нохо посмотрел на парня и вдруг ему показалось, что перед ним сидит вовсе не Вэнекан, а родной его сын — Максим. Они были одногодками и, хотя не походили лицом друг на друга, но Иван Нохо чувствовал, что Максим сказал бы точно такими же словами, как Вэнекан. Оба они смотрели на мир ясными глазами, и неправду сказать им было невозможно. Нохо уткнулся глазами в колени и чуть слышно произнес:

— Духам отдал... оленя.

Возглас удивления прокатился по чуму.

— Духам?.. которые на Болванской сопке гниют?.. — неосторожно спросил кто-то из присутствующих.

Никто не отозвался. Только Илья Вэнекан не находил себе места: он соскакивал с постели и снова садился на нее. У него был такой вид, словно его очень крепко обидели.

— Оказывается, — зря мы столько дней искали твоих подсаночных, дедушка Нохо, — наконец заговорил Вэнекан. — Оленей зря гоняли и сами напрасно уставали. Дело-то совсем простое было: задобри духов, отдай им оленя — и дожидайся, когда они сжалются...

— Почему смеешься?! — гневно вскричал Нохо, соскакивая со шкур.

— Верно Илья говорит, дедушка, — заступился за товарища Митрофан, за полу рубахи удерживая расхолодившего старика.

И вдруг Нохо как-то весь сник, опустился на шкуры и упавшим голосом спросил:

— Думаешь, Митрофану кто дорогу оленям показал?.. Не духи?

— Нет-нет, дедушка, не духи, — сразу же отозвался Митрофан. — Не подходящий я для них человек. Я тоже очень помочь тебе хотел, как Илья Вэнекан, как все... Вот искали и нашли. Тундра большая, мало ли олени теряются.

— Митро, когда олешков-то нашел? — спросил Вэнекан.

— Неделька-то уж есть, наверно. Все вот собирался пригнать, да дела задержали, просчет был.

— О-хо, давненько уже, — будто удивился Илья Вэнекан и, лукаво подмигнув кому-то, добавил:

— А яловая-то прошлой ночью убежала из стада.

В чуме сразу же стало шумно. Непринужденно заговорили совершенно о посторонних вещах, шутили и смеялись.

...В тот же вечер все жители стойбища видели, как пошел Иван Нохо в сторону Болванской сопки. Шагал он размашисто и решительно. Все знали, что старик жестоко рассчитается с духами, с Большим Нумом. За все рассчитается, навсегда!

До сих пор Нохо любит вспоминать, как он расправился с духами.

— Забираюсь, значит, на сопку, сержусь очень. «Много плохих дел вы людям сделали, — думаю, — сожгу сейчас всех».

Увидел — лежат кучкой, сгнили все: черви источили их. «Какие такие вы боги, — крикнул я. — Черви даже вас едят!..» Злость крепкая взяла. Хворосту на них набросал и спичкой чиркнул. Костер сразу же вспыхнул. И не помню я больше себя, испугался, что ли...

После этих слов Иван Нохо совал в нос большую понюшку табаку и, крикнув, добавлял:

— В ум пришел — оказывается, к стойбищу бегу, к вам. Совсем устал. Назад посмотрел — на сопке все еще дым идет.

Все, наверно, изжарились, все духи.

И тогда только Иван Нохо почувствовал, что наступило уже утро. С высоты неба глядело солнце. Весело переговаривались звери и птицы, и травы сильнее обычного тянулись вверх, к свету. Все шелестело, кричало, горланило — жило!

Об этом тоже любит рассказывать Иван Нохо.

75-летие Прокопия Андреевича ЯВТЫСОГО

(11.07.32 – 23.12. 2005)

Ненецкого поэта Прокопия Явтысого, лирика и общественного деятеля, члена Союза писателей России, автора 17 книг стихов и прозы называют «наш северный Есенин». Это сравнение как нельзя лучше подходит певцу Заполярья. Удивительный гармоничный мир ненецкой тундры открывается со страниц его книг. Любовь, крепкая дружба, труд, уважение к традициям – непреходящие человеческие ценности – помогают его героям не только выстоять в экстремальных условиях Заполярья, но и чувствовать себя счастливыми.

В год 75-летия готовится книга «Избранное», куда войдут его лучшие лирические стихотворения.

Не блуждай в пурге раздумий,
льды тоски не громозди,
прочь гони химер безумий,
прочь гони печаль.
И жди.

Не кочуй бродячим ветром,
не зови в друзья дожди,
прочь гони все сны с рассветом,
день встречай мечтой.
И жди.

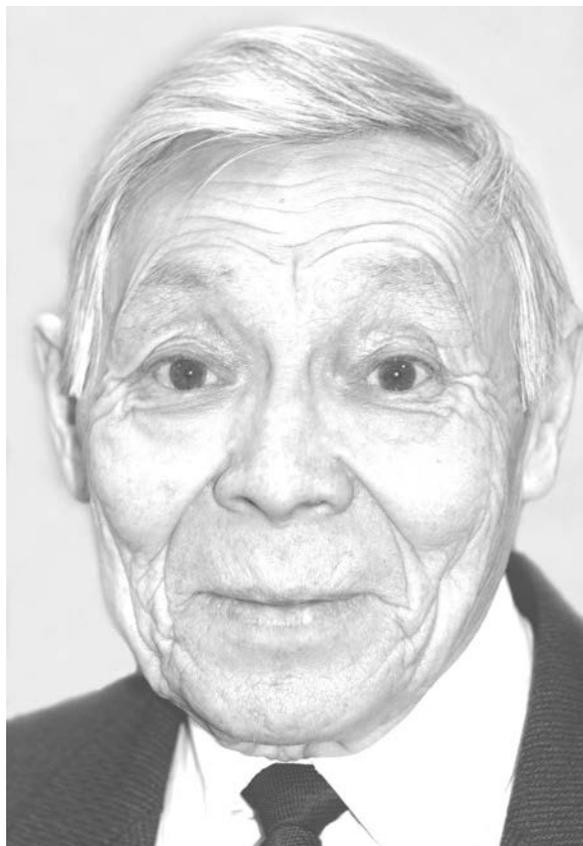
Жди таинственного зова,
чтоб с души мученье снять.
И к тебе вернется Слово,
что способно окрылять.

Отыщу олений камень,
Хоть на ивах – иней сед
И пурга пуховиками
застилает в тундре след.

Отыщу олений камень
Посреди озер-сестер,
где в ночи, взметая пламень,
обозначен твой костер.

Отыщу олений камень –
драгоценный амулет!
Вот тогда, как в бездну, канет
вся печаль минувших лет.

Отыщу олений камень...
Не хотелось бы мне лишь
с побелевшими висками
выйти к пеплу чумовищ.

Авторизованный перевод с ненецкого В. Гордеева

Инга АРТЕЕВА
За голосом Великого
Нума

(Начало в альманахе ЛитО
 «Заполярье» № 6/ 2006)

Мальчик, приемный сын старого Шамана, в тяжелый год страшной засухи отправился к верховному ненецкому богу – Великому Нуму, чтобы спасти свой народ. В пути ему помогают новые друзья – Большая Белая Сова и священный тотем рода – Лемминг. С помощью волшебного угля они начинают борьбу со злым духом Ид Нгылика, отравившим реки в тундре...

Едва только первая горсть угля попала в отравленную речку, гнилостный запах, исходивший от нее, усилился, а из глубины черной воды послышалось шипение. Речка вся будто всколыхнулась.

Чем больше друзья кидали в речку угля, тем более беспокойной она становилась. Когда куча угля уменьшилась наполовину, вода в речке уже не просто колыбалась, а бурлила, как будто внутри шел бой. То, что в начале было шипением, теперь больше напоминало вой.

Хоть в самом начале Мальчик победил свой страх, ему было не по себе. Но теперь он знал, что страх можно победить, и не поддаваясь, продолжал носить уголь в реку. Он не остановился, услышав шипение со дна реки, не остановился, когда забурлила вода и завыли злые духи, не перестал кидать уголь и тогда, когда из реки во все стороны стали разлетаться черные мошки и гнус. Как черные тучи, они поднимались над рекой, а ветер уносил их в сторону сопки злого Нга, туда, где он жил со своими сыновьями и духами бед и болезни. Долго они бросали уголь. Два раза приходила ночь, прежде чем уголь иссяк. Все это время выли духи в реке и разлетался из нее гнус. Как ни отбивался от него Мальчик, его все-таки искушали. Любой, кто был в тундре, знает – от комара ты спасешься, от мошкары – отобьешься, но от гнуса – нет спасения! Но ребенок не обратил на укусы внимания. И Сове ничего не сказал.

Между тем, река успокоилась, вода в ней превратилась из черной в прозрачно-голубую. Вода была такой чистой, что можно было полностью разглядеть дом Яха Ерв – дно речки. Только вот у самого берега была какая-то зыбкая тень.

– Мы победили! – радовались Сова и Мальчик.

– Не спешите радоваться, – сказал им проснувшийся Лемминг, – теперь я отдохнул и буду биться.

– С кем ты собрался биться, соня? Ведь мы победили всех злых духов! – засмеялся Мальчик.

– Ты ошибаешься, – возразила Сова, – не всех. Видал тень под берегом? Теперь я поняла, кто это был.

– Да, – подтвердил Лемминг, – так просто Ид Нгылика, злой дух воды, не отдаст реку, уже занятую им. А если не выгнать его отсюда, то гибельные духи болезней, которых ты сейчас тут видал, вернутся вновь.

И тут – вода в реке как будто вскипела, и из нее выскочил Ид Нгылика.

– Уж не ты ли помешаешь им вернуться?! – загремел он.

Мальчик и Сова попятнулись. Чуть не задохнувшись от затхлого запаха, исходящего от злого духа воды, Мальчик спрятал нос в перьях птицы.

Лемминга было не узнать. Теперь, глядя на него, сразу можно было узнать в звере тотем рода. И, как понял ребенок, рода не простого, а славного победами в больших битвах: семь луков висело за спиной Лемминга, на поясе ярче солнца блестел остро наточенный нож.

Злой дух и тотем рода выросли до того, что заняли собой полнеба, а под ногами у них загудела тундра, как бывает, когда бежит к своим пастбищам многотысячное стадо.

Бьются они. Уже измочалил и выбросил Лемминг ивняковый лук, но знает, что есть еще другие. День, два, три дня бьются. Дошло дело уже и до чешуеподобного лука.

Видно, что оба – и Лемминг, и Ид Нгылика – ослабели. Все реже их удары попадают в цель. Вдруг поднялся из-под земли черный туман – ничего не видно стало. Так бьются еще семь дней. Вдруг услышали Сова и Мальчик из непроглядной тьмы слабый голос Лемминга:

– Эй, Мальчик, пой песню рода!
 И ребенок запел:

Да не погаснет вечно Солнце рода!
 Пускай его умножатся стада!
 Пускай он процветает год от года,
 Не ведая несчастий никогда!

О, духи предков доблестного рода,
 Пусть не оставит вас Великий Нум!
 Пришла беда в край вашего народа,
 Пришло несчастье в маленький наш чум!

Зову вас, духи предков, помогите!
 Со мною вместе тундра вся зовет:
 Скорей потомков от беды спасите,
 Чтоб дальше продолжался славный род!

Да не погаснет вечно Солнце рода!
 Пускай его умножатся стада!
 Пускай он процветает год от года,
 Не ведая несчастий никогда!

Черный туман с великим грохотом и визгом стал снижаться, прятаться в Нижний мир, откуда пришел. Уже различимы в нем стали морды злых духов, пришедших на выручку к Ид Нгылика.

Сквозь остатки тумана в небе как будто засияло несколько солнц; это на золотых облаках прилетели на помощь духи предков Мальчика.

Еще три дня они бились. И вот Лемминг натянул последнюю стрелу на чешуеподобный лук и выстрелил. Громкий стон возвестил о том, что выстрел попал в цель. Ту же ушел под землю туман, и ярко засияло солнце. Мальчик зажмурился – его окружили духи предков на золотых облаках. Они молча посмотрели на него, улыбнулись и с шумом взмыли в небо.

Тем временем Сова заботливо укладывала обессиленного Лемминга. Едва его голова коснулась подушки из мягкого свежего мха, он провалился в сон. Сова и Мальчик последовали его примеру.

5

Неизвестно, долго ли спали наши герои и сколько бы еще проспали, но их разбудил веселый голос:

– Не проголодались, богатыри, пока освобождали мой дом?

Один за другим Мальчик, Сова и Лемминг разлепили глаза, и только тут почувствовали, какие же они голодные! Прямо перед Мальчиком стоял красивый ненец в синей с серебром малице, а его борода как будто водопадом струилась по груди.

– Это он приходил во сне! – невольно закричал ребенок.

– Да, это был я. Спасибо, что не оставили мою просьбу о помощи без внимания. Если бы не вы, вся округа бы погибла от отравленной духами болезней воды.

Глядя на аппетитных рыбин, которых держал в руках хозяин реки, Лемминг не сдержался, и предложил:

– Если это ты нам принес, то давай мы это быстрее съедим!

Яха Ерв улыбнулся:

– Да ведь тут не только я с дарами! Вы ведь всю округу спасли от гибели – принимайте гостей!

И отошел в сторону, а за ним – великое множество народу! Кто принес новые малицы, кто изготовил героям крепкие гибкие луки, а некоторые ненцы принесли съестное – неведомым образом вся тундра знала, кто эти герои, куда и зачем отправляются.

Веселое дело – пир в тундре! Мяса, рыбы, сладкой ягоды хватит на всех! А не успеешь перевести дух от съестного, молчаливые проворные хозяйки несут тебе ароматный чай! Тут и там слышны песни, вот молодые ненцы уже соревнуются метать тынзей и прыгать через нарты, но постепенно веселье затихает и все стойбище размещается на шкурах вокруг певца старинных эпических песен, древнего старика. А глаза у него, хоть и запавшие уже, совсем молодо сверкают на морщинистом лице, а говорит негромко, но все его слышат. Певец заговорил:

– Буду я сегодня петь для героев не сказку, а правду, а вы – слушайте и крепко запомните! Не раз моя песня выручит вас в пути – ничего я от себя не придумал:

(ПЕСНЯ СТАРИКА...)

Сова, Мальчик и Лемминг даже и заметили, что пока пел Старик – все ненцы потихоньку пропали – так заслушались песней. Остался лишь певец и Яха Ерв.

– Ну, что ж, дорогу вы теперь знаете, – напутствовал сказитель.

– Примите и от меня подарок, – сказал Хозяин реки и потянул Мальчику синий колокольчик, – как понадобится моя помощь, позвони в него.

– Спасибо тебе, Яха Ерв! Спасибо тебе, девушка-сказитель! – поблагодарили герои и пошли искать дорогу на Первое небо. Хозяин реки и старик помахали им вслед и растворились в воздухе, как будто их и не было.

6

Идут наши герои, дней не считают. Вот скрылся от них Черный каменный мыс, о котором пел сказитель, вот прошли они мимо Голубых озер. Наконец показался впереди последний ориентир перед воротами на Первое небо: священное место старинного рода,

имя которого было давно позабыто. Подойдя ближе к священному месту, они увидели большую статую идола, сядея.

– Смотрите, какие у него глаза! Как будто насмехается над нами! – воскликнул Мальчик.

– Ну, это ты врешь! – сказал Лемминг, – да на этом столбе давно уже никаких глаз не видно, все временем стерто!

– Сразу – «врешь!» – обиделся парнишка.

– Действительно, зря ты так, – заступилась за ребенка Сова, – Мальчик устал, как и мы, вот и померещилось ему, что сядея усмехается. Мне, честно говоря, тоже что-то похожее сейчас показалось.

– Извини, – сказал Лемминг Мальчику, – давайте устроим привал! Кто знает, сколько идти до этих ворот!

– Давайте! – согласились Мальчик и Сова. Как только они расположились неподалеку от священного места и немного перекусили, многодневная усталость дала о себе знать: путников сморил сон.

Проснулся Мальчик оттого, что кто-то довольно сильно тряс его за плечо. Слышался тихий голос:

Древнейший род совсем забыт

И спрятан идол в тени.

*Священный тотем безмятежно спит,
Верни ему память, верни!*

Мальчик вскочил. Рядом никого не было, только мирно посапывали его товарищи.

– Вставайте! – принялся будить их Мальчик, – тут кто-то есть!

– Где? Кто? – недовольно заворочались, просыпаясь, Лемминг и Сова.

– Здесь! – и Мальчик рассказал им о своем пробуждении.

Выслушав рассказ, Лемминг воскликнул:

– Я так и знал! Говорил же – не озирайтесь вы по сторонам, шли вперед, и шли бы себе дальше!

– Что ты так кипятишься? – удивилась Сова.

– Если что-то знаешь, расскажи нам! – предложил Мальчик.

– Ладно, слушайте. Вот мы проходили мимо священного места. Род, которому оно принадлежит, забыт, потому что беспечные потомки забросили святыни рода, перестали ходить на священное место рода, решили жить без корней, сами по себе. Вот так, год за годом, стерлась память рода, уснул его тотем, а члены этой родовой общины остались без корней...

– Ты так рассказываешь, что мне не по себе стало, – засмеялся Мальчик, – что тут такого? Живут себе люди – и живут! Подумаешь – «не ходят на священное место рода», передразнил паренек, сделав постную рожу, какая, по его мнению, была у Лемминга, но его резко перебила Сова:

– Сейчас же перестань! Как ты можешь говорить это! Ты, чувствующий голос крови своего рода!

А Лемминг обиженно добавил:

– Да и сопровождает тебя не кто-нибудь, а тотем рода...

– Ой, и правда... – растерялся ребенок.

– Так вот, – продолжал Лемминг, – когда такое происходит, священное место само обращается за помощью...

– К тому, кого сочтет самым достойным?

– спросила Сова, а Мальчик приосанился.

– К тому, кто будет проходить мимо! – опустил их на землю Лемминг, – вы думаете, герои тут толпами ходят с утра до вечера?

– И что нам теперь делать?

– Поступать, как велит тебе сердце!

– То есть выбора у нас нет, и пока мы не выясним, какому роду принадлежало это священное место и не разбудим его тотем, дальше не пойдем? – подытожила Сова.

– Выходит, так, – сказал Лемминг.

– Значит, будем помогать! – весело сказал Мальчик.

– Легко сказать, – мрачно заявил Лемминг, – на самом деле – спасти род от забвения – задача не такая простая.

– Так рассказывай, что надо делать! – наперебой закричали Мальчик и Сова.

Лемминг начал рассказ:

– Каждый род имеет свою книгу. В нее записывается вся история этого рода, от начала до конца. За этим следит тотем рода...

– А ты на кого книгу рода оставил? – накинулась на Лемминга Сова.

– В мое отсутствие записи ведут надежные помощники, – успокоил Сову священный зверь, – слушайте дальше. А этот род потомки стали забывать. Забвение рода приводит к тому, что его тотем засыпает, а Книга рода, в которой не появляются новые записи, отправляется в Нижний мир. Мы должны вернуть Книгу рода на священное место. Только тогда тотем рода проснется, и придет за Книгой сюда.

– А как нам попасть в Нижний мир? – спросила Сова.

– Вход в Нижний мир есть на каждом священном месте рода, ответил Лемминг, – но для того, чтобы он открылся, нужно взывать к мрачному Нга. Редко, ох редко кто делает это по доброй воле...

– А это страшно? – испугался Мальчик.

– Страшно. С ночи до ночи мы должны, не переставая, петь песню, вызывающую Мрачного Нга, с ночи до ночи духи зла будут атаковать нас... Только если выдержим, Нга откроет свои ворота и даст то, что мы просим.

– Все, что мы попросим? – обрадовались было Мальчик и Сова.

– Нет! Никогда не выберется из Нижнего мира тот, кто попросит не то, зачем пришел, а поддастся на уговоры Нга принять славу, богатство или что-то еще! – воскликнул Лемминг.

– Понятно... – погрустнели его спутники.

7

Настороженно оглядываясь на каждом шагу, герои наши вернулись к священному месту, где раньше хитро улыбался сядей. Теперь это был просто каменный столб. Мальчик, Сова и Лемминг взялись за руки. Лемминг сказал:

– Чуть было не забыл вас предупредить! Что бы ни происходило, не разрывайте цепь из наших рук. Если она порвется, мы уже не найдем друг друга никогда.

– Хорошо.

Лемминг запел:

*(ПЕСНЯ, ПРИЗЫВАЮЩАЯ
МРАЧНОГО НГА...)*

Лемминг все пел и пел. Его песня убаюкивала, как гудение ветра. Как ни старалась Сова, силы покидали ее. Глаза закрывались. Полудрема окутывала круглую голову, как

туман. Вот она уже не на священном месте полузабытого рода, а над снежной равниной тундры. Уже весна, и над горизонтом спокойно светит невысокое солнце. Вдруг картина меняется: на солнце воронами набежали черные тучи, тревога повисла в воздухе, страшно закричали невесть откуда взявшиеся птицы: «Летим, Сова, летим!» Она забилась, но... кто так крепко держит ее крылья? Издалека она услышала знакомый голос:

– Очнись же, Сова! – снова и снова кричал Мальчик. Он уже почти выпустил крыло Совы, но тут она проснулась. Лемминг продолжал петь.

– Ну, наконец-то! – обрадовался Мальчик, увидев, что Сова пришла в себя.

– Это был сон? – растерянно бормотала птица, ворочая круглыми сонными глазами.

– Ну, конечно! Главное – больше не засыпай, а то помнишь, что сказал Лемминг? Если отпустим руки, то никогда не встретимся, так и будем блуждать по Нижнему миру всю оставшуюся жизнь!

– Нет, не жизнь... – рассудила окончательно пришедшая в себя Сова, – вечность, вот что страшно.

После этого герои замолчали и долго размышляли над этим странным понятием – вечность. Мальчик думал о том, что никакой Вечности не бывает, да и Сова, как ни могла представить себе, что такого вечного она видела за свою долгую жизнь, так и не вспомнила ничего хотя бы более – менее подходящего. Оба были правы. Вечность дано понять и постичь только бессмертным, ведь в мире смертных все имеет начало и конец, рождение и смерть. Лемминг пел. Постепенно мысли Мальчика становились все менее возвышенными:

– Интересно, сколько мы уже так стоим? Зря не поели перед тем, как спасать забытый род, – посетовал ребенок, – помогать другим, конечно, нужно, но не на пустой желудок...

– Еда-то ладно, а вот глоток воды бы точно не помешал, – поддержала Мальчика Сова, но тут оба вскрикнули от резкой боли: Лемминг, не переставая петь, больно сжал руку Мальчика и крыло Совы.

– Что это ты? – возмутились они, но потом Сова поняла:

– А ведь это все неспроста! Ведь это же злые духи хотят нас заморочить, чтобы мы отвлеклись и руки отпустили! Вот к чему был мой сон!

– Вот почему мы оба сразу почувствовали голод и жажду! – подхватил Мальчик.

Лемминг закивал в такт песни.

И сразу же вокруг них и черного столба с воем закружился вихрь черного гнуса: это духи взбесились, поняв, что их замысел разгадан.

8

От воя и свиста у Мальчика заложило уши, а чтобы гнус не залепил глаза, он их закрыл.

Открыв глаза, Мальчик увидел, что находится в незнакомом месте. Перед ним был ветхий чум, покрытый драными нюками.

– Э-эй! Сова, Лемминг, где вы? – закричал ребенок.

Из чума послышался слабый голос:

– Сынок... Зайди ко мне...

Ребенок нерешительно отодвинул полог, закрывавший дверь в чум.

Внутри было темно. Перед остывшим очагом, прямо на земле, лежали старые, почти лысые шкуры. В сумраке еле угадывались очертания человека. Слышалось хриплое дыхание и шепот:

– Что же ты так долго не возвращаешься, Мальчик? Я видно зря понадеялся на тебя... Люди нашего стойбища ушли и оставили меня умирать на чумовище... Я болен и замерзаю... Дай же мне руку, согрей меня своим теплом...

Потрясенный, Мальчик, как под гипнозом шел на родной голос Отца-шамана.

– Протяни ко мне руки... Дай мне руку... – в голосе лежащего вдруг проскользнула еле заметная нотка нетерпения.

Мальчик отпрянул:

– Я все понял! Ты не мой отец! Ты не обманешь меня! С моим отцом ВСЕ ХОРОШО! – в отчаянии закричал он.

Воздух вокруг него зазвенел и взорвался. Чум вырос до огромных размеров. Голос фальшивого шамана окреп:

– Разгадай, гаденыш! С твоим отцом ТОЛЬКО ПОКА все хорошо! Мы следим за ним! Все может изменить один твой неверный шаг! – загромычал дух и ... все пропало.

Мальчик вновь стоял перед идолом, держась за лапку Лемминга и крыло Сова.

9

Лемминг уже выбился из сил. Его голосок был еле слышен.

– Эй, Мальчик! – окликнула парня Сова, – мы ведь уже запомнили почти все слова песни, которую Лемминг поет! Как ты думаешь, если мы будем ему подпевать и перепутаем какое-нибудь слово, ничего не случится?

– Спроси лучше у Лемминга! – ответил Мальчик.

Лемминг, слыша их слова, еле заметно кивнул головой.

Запели вместе – ожила песня. Но, услышав воскресшую песню, всполошились духи. Небо потемнело и повалил снег. Становилось все холоднее. Озябшие герои согревались песней. Постепенно снег превратился в град. Огромные ледышки с острыми краями били по щекам, оставляя на них длинные кровавые полосы.

– Опустите головы! – сказала умная Сова своим друзьям.

Они последовали ее совету. Теперь градины не могли сильно навредить им. Они стучали по плечам и спинам, царапая кожу до крови, но уже не угрожая жизни.

Духи словно поняли, что так героев не прогнать. Град прекратился. Потеплело. Теплый воздух сгустался вокруг друзей, стал таким плотным, что было трудно дышать. Неизвестно откуда взявшееся солнце будто раскалилось докрасна, и по его диску то и дело пробегала торжествующая ухмылка злого духа. Пот заливал глаза. Силы героев таяли.

Но недаром Сова – символ мудрости. Она спросила Мальчика:

– Можешь вспомнить самый морозный день в твоей жизни?

– Постараюсь, – без промедления ответил ребенок.

– Рассказывай, только не упускай ни малейшей подробности! – приказала птица и продолжила петь.

Мальчик стал рассказывать о том дне, когда

его, только научившего ходить, Шаман – отец впервые вывел на улицу. Он говорил о том как при каждом вдохе у оленей из ноздрей вырывались клубы голубого пара, а морды обрастали искристо-белой бородой; как под подошвами бурок скрипел снег – погромче у отца и потише – у Мальчика; как над их чумом ровным столбом поднимался белый дым; как ярко светили звезды сквозь прозрачный морозный воздух; как немели маленькие розовые щеки и наполнялись слезами его глазки в тот день, – все это и еще много чего вспомнил, рассказывая, Мальчик. Он и сам не заметил, что жара спала, воздух стал чистым и прохладным, а над тундрой спустилась ночь. Земля задрожала, и каменный идол стал опускаться под землю. Все ниже и ниже он становился, и вот – его совсем не стало. На том месте, где он возвышался, теперь была глубокая яма с идущими вниз ступенями.

Лемминг выдохнул:

– Ворота в Нижний мир открыты! Помните о том, что я вам говорил – не берите ничего лишнего!

И они пошли вниз по ступеням.

10. В стойбищах Мрачного Нга

Воздух был черным от гноса. Почти невозможно было вдохнуть без того, чтобы рот не наполнился этой пищущей гадостью. Задыхаясь и отплевываясь, Мальчик спросил у Сова:

– Почему здесь столько мошек?

– Это не мошки. Это злые мысли и слова людей, которые живут в Среднем мире, – проговорила Сова, – их можно истребить с помощью добрых слов и мыслей, но таких, видимо, гораздо меньше.

Больше они не могли говорить, живая шевелящаяся масса становилась все гуще.

Сначала Мальчик думал, что они одни в этом мрачном мире, но, когда глаза привыкли к сумраку, разглядел, что на почти голой земле, покрытой еле заметным слоем моха, повсюду сидят ненцы в худых малицах. Их серые лица ничего не выражали, глаза никуда не смотрели. Мальчик подумал, что им, наверное, здесь очень плохо и пожалел этих людей.

Внезапно раздался низкий неприятный голос Мрачного Нга:

– А ты их не жалей. Они здесь получают то, о чем при жизни постоянно мечтали. Смотри! Тут перед сидящими появились блестящие бутылки. Глаза ненцев засветились безумием:

– СЯРКА ТАРА! (Водка есть!)

И они принялись хватать бутылки и жадно сосать блестящую жидкость. Когда бутылка опустошалась, несчастные принимались ее грызть. Уничтожив угощение, они набросились друг на друга с кулаками, дико крича. Они избивали противника, не останавливаясь даже тогда, когда тот падал. Но постепенно бойня прекратилась. Все лежали без чувств. Однако забвение было недолгим. Придя в себя, люди тряслись, словно от ужасного озноба, одни вскрикивали и махали руками, отбиваясь от невидимых чудовищ.

«Неужели им никак нельзя помочь?» – в отчаянии думал Мальчик.

– Не думай об этом. Никто ни в одном из миров не может им помочь, потому что они сами выпросили для себя такую участь – короткий миг пьяного веселья за неслыханные

долгие муки.

– Ты все врешь! – воскликнул ребенок, – не может быть, чтобы человек сам выбрал для себя такую жизнь!

– Не жизнь, глупый. Вечность, – поправил его глумливый собеседник.

– Это неправда! – снова закричал Мальчик, но услышал голос Лемминга:

– Это правда. Не все ненцы, когда заканчивается их жизнь в Среднем мире, попадают в Верхний мир. Те, кто не захотел достойно жить, оказывается во власти Мрачного Нга.

– Сюда попадают пьяницы? – спросил Мальчик.

– Не только. Все, кто врет, или убивает, или даже просто все время жалуется на жизнь – не избежат знакомства со мной, – добавил Мрачный Нга, появляясь перед Мальчиком, Леммингом и Совой.

Он не был так страшен, как представлял себе Мальчик. У него не было клыков, как у волка, на вид он не был так ловок, изворотлив и зол, как когда-то напавший на Мальчика бешеный песец, на руках у него были обычные меховые рукавицы, а не когти величиной с хороший охотничий нож. Но этот невысокий ненец испугал Мальчика гораздо больше, чем все эти опасные и сильные звери. Стоило посмотреть в его черные мертвые глаза, вспоминалась страшная песенка, которую, бывало, шепотом рассказывали друг другу глупые мальчишки.

ПЕСНЯ ПРО ГЛАЗА МРАЧНОГО НГА:

Страшнее самой черной ночи,
И отвратительнее лжи,
Посмотришь в них и не захочешь
Ни есть, ни спать, ни пить, ни жить.
Беги! Они, наверно, рядом,
Его безумные глаза,
Но он схватил бедняжку сзади,
И убежать уже нельзя!!!

На последних словах, обычно, кто-то из подговоренных заранее ребят хватал новичка за бока, а тот верещал с испугу. То-то смеху всем было!

Но сейчас было совсем не смешно. Лемминг первым вступил в разговор с Мрачным Нга:

– Тебе ведь известно, что мы пришли за книгой забытого рода?

– Да, я это знаю. Будь я моим братом, Нумом, я отдал бы вам ее просто так, за одну только храбрость. Но – не в моих это правилах. У меня есть для вас простое задание: почистите моих оленей – получите книгу.

– Покажи книгу, Нга, – спокойно сказала Сова.

– Боишься, что обману? Правильно, – усмехнулся Мрачный Нга, – вот она, – и положил книгу забытого рода на замшелый камень, нивесть откуда взявшийся в голой тундре, – выполните мое задание – забирайте! – сказал Мрачный Нга друзьям, и если бы Мальчик, Лемминг и Сова чуть повнимательнее посмотрели бы в его страшные глаза, то увидели бы в них злые хитрые искры.

К оленьему пастбищу Нга повел друзей через большое стойбище. Ох, и безрадостная там была жизнь. Сквозь прорехи драных покрывшек чумов было видно, как изможденные

люди ходят по неприбранному своему жилищу, ища себе что-то на пропитание. Около одного из чумов Мальчик увидел женщину, держащую на руках ребенка. Она отрешенно смотрела перед собой и повторяла:

– Совсем забыл о нас Великий Нум! Видишь, сынок, как у нас все плохо...

Мальш с лицом старика монотонно кивал матери. Она продолжала:

– Быстрее бы мы умерли!.. Хотя и там, наверное, ничего не изменится...

Потрясенный Мальчик обратился к Сове:

– Эти люди живы?

– Нет, Мальчик. В своих стенаниях они и не заметили, как умерли.

– Но почему с ними дети?

– Они впитали уныние с молоком своих глупых матерей.

– Разве можно так страшно наказывать за уныние?

– Уныние этих ненцев происходит от неверия. Ни один из них не усомнился, что Великий Нум может забыть о людях. Говоря так, эти неразумные отдали себя во власть Мрачного Нга.

И Мальчик с ужасом вспомнил, как часто слышал подобные слова от знакомых людей. Он твердо решил, что должен обязательно рассказать им о том, что видел.

Много страшного видели они по пути. Были здесь жадины, которые пожирали все, что попадалось им на глаза, набивали утробу, лопались, а потом с криками: «Мне! Мое!» начинали все заново. Были лживые и злоречивые люди. Их языки и внутренности пожирал гнус, и они со страшными криками катались по земле. Не было видно конца этому ужасному стойбищу. Ни один порок не оставался безнаказанным. Все грешники находили себе место в страшных стойбищах Мрачного Нга. Наконец показалось пастбище. Ну и страшные у Нга были олени! Черные, как полярная ночь, высотой с чум, то и дело они вскидывали вверх злые морды, потрясая острыми рогами. Они больше походили на нылека – страшных чудовищ из ненецких сказок. Нга расхохотался:

– Ну, как вам нравятся мои красавцы? Их зовут Рассудок, Память и Воля.

– Какие глупые имена! – пробормотал Мальчик очень тихо, но Мрачный Нга, который слышал даже мысли, ответил ему:

– Мое право называть оленей так, как я хочу! И, кто знает, может быть, когда ты поймешь, почему их так зовут, это не покажется тебе таким уж глупым. Приступайте, если хотите получить книгу!

И, неприятно захохотав, удалился.

Страшные олени перебирали ногами, как будто не могли дождаться, кто подойдет к ним первым, чтобы затоптать насмерть.

Что делать друзьям? Но не зря была с ними мудрая Сова:

– Я знаю одну песню, перед которой не устоит ни живой, ни мертвый, ни человек, ни птица, ни олень, – сказала она, обращаясь к Мальчику и Леммингу, – заткните уши! – и запела.

(ВОЛШЕБНАЯ УСЫПЛЯЮЩАЯ ПЕСНЯ)

Мальчик не слышал слов, которые пела Сова, и с изумлением наблюдал, как олени прекратили свой «бег на месте», все реже стали

бодать воздух, потом и вовсе опустили свои страшные морды.

Сова еще попела, потом сделала в сторону чудовищ острожный шажок, потом еще и еще, наконец, коснулась одного, второго, третьего. Они даже и не думали просыпаться. Сова замахала руками:

– Скорее, они будут спать недолго!

Хоть олени и стояли неподвижно, прикасаться к ним было страшно. Мальчик даже зажмурил глаза, но потом набрался храбрости и стал выбирать из блестящей черной шерсти колючки. Постепенно это занятие полностью поглотило его, но бедный ребенок этого не замечал. Он чистил шкуру зверя, забыв обо всем на свете, не помнил, где он, кто он такой, и, если бы его спросили, что это за птица с дикими глазами беснуется рядом, он вряд ли мог бы сказать. Оленя, который достался Мальчику, звали Память. Да-да, прикасаясь к этому чудовищу, он терял память, как Сова – рассудок, а несчастный Лемминг – волю. Тот вообще сидел, понуро опустив маленькие лапки, и только тихо повторял:

– Мы ничего не сможем, ничего не добьемся, зря мы сюда пришли, я уже ничего не могу, не хочу ничего...

Вдруг эту невеселую картину накрыла огромная тень. Сверху спускался страшный черный ворон. Он набросился на друзей, забросил себе на спину одного, второго, третьего, потом когтистой лапой схватил с камня книгу забытого рода. И вот, унося с собой наших храбрых героев и то, зачем они пришли, Ворон понесся прочь из Нижнего мира.

11. В гостях на первом небе

Когда Мальчик открыл глаза, невысокое полярное Солнце приветливо светило с неба, от страшных картин Нижнего мира не осталось и следа. Он огляделся. Рядом невозмутимо похрапывал крошечный Лемминг и сопела Сова. Все было так, словно ужасная история с Нижним миром ему просто приснилась. Но – как же книга? Где они находятся? Мальчик принялся трясти своих спутников:

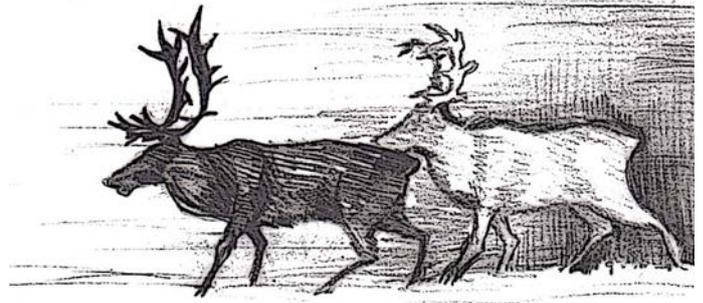
– Эй, вставайте! Хватит спать!

Лемминг и Сова недовольно заворчали спрессонья, но ребенок был настойчив, и как они ни старались снова нырнуть в забытье, не дал им этого сделать. Когда они окончательно проснулись, то попытались вспомнить, что же с ними случилось. Все сходилась до того момента, как каждый прикоснулся к «своему» оленю, а потом у каждого была своя история. Лемминг рассказывал:

– Словно тяжелый камень навалился мне на сердце, и чей-то голос начал мне нашептывать на ухо: «Ну, чего ты добиваешься? Посмотри на себя! Ты маленький слабый зверек...» И самое страшное, что я ему верил. Постепенно мне стало казаться, что мои собственные мысли, и я уже ничего не мог заставить себя сделать...

Продолжала Сова:

– А я услышала звон колокольчиков и оказалась на веселом празднике. Все, находящиеся там, танцевали и кричали, веселились и пели... Сначала мне понравилось, но потом я уже устала, не поняла, что не могу остановиться. Приглядевшись к остальным, я поняла, это веселье им тоже не в радость... Мальчик сказал:

– И все-таки мне непонятно, как мы здесь-то оказались?

Вдруг друзей накрыла тень. Лемминг закричал:

– Я вспомнил! Бежим! Сейчас нас схватит огромный Ворон и утащит! Ведь это он схватил нас там!

Друзья побежали, но опередить гигантскую птицу им было не под силу. Ворон, догоняя их, неожиданно дружелюбно произнес:

– Почему вы меня боитесь? Я спас вас из плена Мрачного Нга не для того, чтобы причинить зло! И – неужели вам неинтересно, где книга спасенного вами рода?

При этих словах Сова, Мальчик и Лемминг остановились, как вкопанные.

– Книга? Спасенного рода? Разве у нас все получилось?

Ворон улыбнулся:

– Неужели вы думаете, что все, перенесенное вами, было зря? Конечно, Нга обманщик, и не подоспей я вовремя, оставаться бы вам в Нижнем мире навеки. Но условие было выполнено, и он никак не мог мне помешать вынести вас и книгу рода. Есть законы, которые действуют даже в Нижнем мире! Ну, вы наконец-то перестали меня бояться? – и дружелюбно улыбаясь, он приветливо распахнул крылья.

Несколько часов назад Ворон, как обычно, оглядывал тундровые просторы с вершины Башни дозора. И вдруг с ужасом заметил открытые ворота в Нижний мир. Он поспешил захлопнуть их, но, когда подлетел поближе, увидел наших друзей. На свой страх и риск он подлетел к ним. Ни от Мальчика, ни от безумно пляшущей Совы Ворон добиться ничего не смог. Только из удрученного бормотания Лемминга: «Не спасти нам книгу забытого рода... зря мы сюда пришли...», Ворон понял, в чем дело. Хвала Великому Нуму, что Нга не уволок с собой книгу, а все-таки оставил там, где и обещал. Страшные чудовища-олени уже открывали глаза. Ворон принял решение мгновенно. Посадив друзей к себе на спину, он вынес их и книгу из страшного места.

– А где же книга? – вскричали путешественники.

– Книга там, где ей и положено быть: у священного идола рода Черной Росомахи. Как только я вынес ее из Нижнего мира, она вырвалась из моих когтей и полетела на свое место. А вообще-то и сами можете посмотреть.

И повел их на Дозорную Башню. Вся тундра, весь Средний мир, хоть это трудно представить, были видны с этой башни.

– Вот отсюда я и увидел ворота, а за ними – вас, – сказал Ворон.

Вдруг в одной точке, спокойной в целом,

картины Среднего мира стало тревожно. Ворон присмотрелся и нахмурился. В Дозорной Башне стали слышны крики людей:

– Это наша река!

– Не дадим вам здесь рыбачить!

– Всех переколотим! Оленей уведем! Разберем ваши чумы!

И вспыхнула бы война между двумя соседними стойбищами, но Ворон чуть заметно махнул крылом в сторону ссорящихся и налетела на них невиданной силы пурга. Снег слепил глаза людям, а ветер был такой сильный, что подхватил людей одного стойбища вместе с чумами и оленями и унес на другую сторону неширокой тундровой речки. Теперь у каждого племени был свой удобный берег, и не нужно было ни с кем спорить из-за места для рыбалки.

Глядя на то, как люди стали обживать новый берег, Ворон довольно улыбнулся, и пурга прекратилась.

– Здорово! Надо же! – восхитились Мальчик, Лемминг и Сова, – как ты их утихомирил!

– Для того я нахожусь здесь, на Первом небе, чтобы в Среднем мире было меньше горя, лишений и войн. Но, к сожалению, не все в моей власти, самое страшное в тундре происходит без войн и вспышек зла.

И он горестно показал друзьям на черные пятна нефти, разлитые по одной из рек. Берега ее были пусты: не резвился под кустом весельчак-заяц, не крался за добычей осторожный песец, не плясали по берегу пуночки.

Зеленое тело тундры было изрезано вездеходами, и повсюду зияли огромные язвы от скважин.

– Это зло не прогонишь пургой, – проговорил Ворон, и из его черных блестящих глаз покатались слезы.

– Но что же делать? – спросил Мальчик.

Ворон честно ответил:

– Не знаю...

Все невесело замолчали, но вдруг Мальчик воскликнул:

– Смотрите, наш идол!

Лемминг и Сова посмотрели вниз, куда он указывал. Каким же красавцем стал идол! Он весь светился от ярких красок, которыми изукрасили его обретенные потомки и богато убран ожерельями из неярких тундровых цветов и ягод.

Вокруг преобразившегося идола копошились люди. Шаман пел негромкую песню, восхвалявшую героя, Вернувшего Имя Людям Черной Росомахи. А чуть поодаль женщины накрывали праздничный стол для всего стойбища. И вот тут-то наши герои вспомнили, что в последний раз им очень давно удавалось подкрепиться, как следует.

Сахарная морошка, румяная, чуть горьковатая брусника, серебристая рыбка и жареное прямо на железной печке сочное мясо, – стол в чуме Ворона ломился от угощения для дорогих гостей. А гости же настолько проголодались, что первое время за столом не было слышно даже разговоров.

Потом, подкрепившиеся и повеселевшие, Мальчик, Лемминг и Сова прошли по стойбищу Ворона, познакомились с забавными и проворными воронятами – внуками и правнуками хозяина.

День приблизился к вечеру. Наши гости

пили в чуме Ворона ароматный чай и слушали древнюю легенду о Вороне.

«Когда-то Ворон жил в Среднем мире и не был главной птицей в тундре. Он, как и другие тундровые птицы, добывал рыбку, бывало, дрался за лучшее место для охоты и стойбища, вместе с женой нянчил маленьких воронят.

Так бы он дожил до глубокой старости, но совсем другое было написано в Книге его рода.

Беда пришла в тундру. Да и не только в тундру, а в целый Средний мир. Поднималось Солнце, как обычно, после сна к себе, на Восьмое небо, чтобы подарить всем живущим в мире тепло и свет, да и... упало в море. И стало вокруг темным-темно. Матери не видели дочерей, а сыновья – отцов. Маленькие звезды не в силах были разорвать черную завесу. И стало холодно, как в лютую зимнюю ночь. Птицы, поднявшиеся слишком высоко к холодному небу, замерзали на лету и падали ледяными камнями на ослепших людей.

Посмотрел на это Великий Нум и решил, что нужно спасти Солнце. И собрал он вокруг себя на Седьмом небе птиц видимо-невидимо, чтобы выявить того, кто достанет со дна моря упавшее Солнце. Много было битв и состязаний, и победителями из них вышли три птицы: Белая Полярная Сова, Хищный Канюк и Ворон. Нум-то знал, чем закончится последнее соревнование, но – традиция есть традиция. Он объявил:

– Из состязаний в силе, ловкости и храбрости вы вышли лучшими. Но это не все. Настоящий герой должен быть терпелив, как время, и непоколебим, как скала. Кто победит в последнем соревновании, тот и пойдет спасти Солнце.

И повелел им Нум стеречь своих белых оленей всю ночь, никуда не отлучаясь. Одного только не сказал – что ночь будет длиться, пока не появится победитель. Хороши были у Нума олени! Белые, как только что выпавший снег, сильные, красивые, они спокойно паслись на богатой земле Седьмого неба.

Уселась соперники по разные стороны от пасущегося стада и не спускали с них глаз. День сидят, два сидят. На третий день прямо рядом с Хищным Канюком уселся большой белый заяц. Глядя на такую лакомую добычу, Хищный Ка-

нюк вспомнил, что давно не ел. Как он ни крепился, а природа хищника взяла верх, когда заяц приблизился к самому клюву Канюка. Тот не выдержал и бросился на зайца, однако добыча уносилась все дальше и дальше от стада, а за ней – голодный хищник. Он уже почти догнал аппетитного зайца, когда тот обернулся и голосом Великого Нума сказал:

– Нельзя на тебя положиться, Хищный Канюк. Если ты пойдешь за Солнцем и будешь так каждый раз отвлекаться по дороге, то никогда в мире не будет ни света, ни тепла...

Улетел Канюк.

Сидят, смотрят за стадом Ворон и Белая Полярная Сова. День сидят, два сидят.

«Что-то долго они...» – подумал Нум и пошел проверить, все ли в порядке. Сначала подошел к Ворону. Ворон, еле живой, но решительный, приветствовал его. Тогда Великий Нум пошел к Белой Полярной Сове. Она смотрела, не мигая, но молчала, как будто ничего не видела. Нум подошел ближе, присмотрелся и ... сердито закричал:

– Ах ты, обманщица!

Сова подскочила на месте, и с ее закрытых век упали две большие желтые монетки. Хитрая Сова, прикрыв глаза блестящими желтыми монетками, давно спала, а казалось – не смыкает глаз.

Отругал ее Великий Нум, и обманщица, пристыженная, удалилась.

И отправился Ворон, отдохнув, к далекому морю за утонувшим солнцем.

От холода его крылья покрывались ледяными коростами, но он опускался на темную землю и обкусывал лед, как обкусывают на лапах своих ездовые собаки, поднимался и летел дальше.

Бывало, ветер преграждал птице путь, и, с огромным усилием преодолевая его, Ворон спускался вниз и шел по земле, в кровь сбивая короткие голые лапы.

Никто не знал, сколько шел Ворон, ведь царила постоянная тьма, но, наконец, добрался до моря, в которое упало Солнце.

Ворон сразу понял, что добрался до места, когда на него повеяло теплом. Он вспомнил напутственные слова Нума:

– Злое море не сможет полностью скрыть Солнце, потому что Солнце сильнее моря. Если злая вода проглотит свет, то найдешь то, что ищешь, по теплу.

Тогда сразу ныряй и доставай Солнце.

Ворон задержал дыхание и нырнул. Он погружался все глубже и глубже – на свет, который исходил из глубин моря. Свет становился все ярче, вот он уже совсем ослепил Ворона, но тот успел схватить бедное Солнце и погрузить себе на спину. Драгоценная ноша показалась неожиданно легкой, но, чем ближе Ворон поднимался к поверхности воды, тем тяжелее ему становилось. Горячее Солнце больно жгло крылья и спину, но Ворон упорно нес и нес свою ношу. Наконец море выпустило их. Вырвавшись из плена воды, Солнце оттолкнулось от плеч обессилевшего Ворона и, поднимаясь все выше и выше, на Восьмое небо, осветило и согрело Средний мир. Все плакали от радости и славили Ворона.

После этого Великий Нум сделал Ворона главной птицей в тундре и переселил из Среднего мира на Первое небо. А люди, в память о событии, когда Ворон вернул на небо Солнце, каждый год празднуют День Ворона».

Когда Ворон рассказал свою историю до конца, у отважных путешественников уже слипались глаза, и они отправились спать в богато украшенный гостевой чум на мягких шкурах. Завтра предстояло отправиться на Второе небо.

Прощались у Дозорной башни.

– Спасибо тебе, Ворон, за спасение, – обнимали своего нового друга Мальчик, Лемминг и Сова.

Потом Мальчик, смущаясь, сказал:

– Вы знаете, это ведь неправда, что я никогда ничего не боюсь. Мне ведь иногда, если я один в тундре, бывает так страшно... Вокруг никого нет, и кажется, что ты один во всем мире. А теперь-то я буду знать, что ты сидишь наверху, на Первом небе и за мной смотришь.

– Да, и я не дам ничему плохому с тобой случиться, – серьезно сказал Ворон.

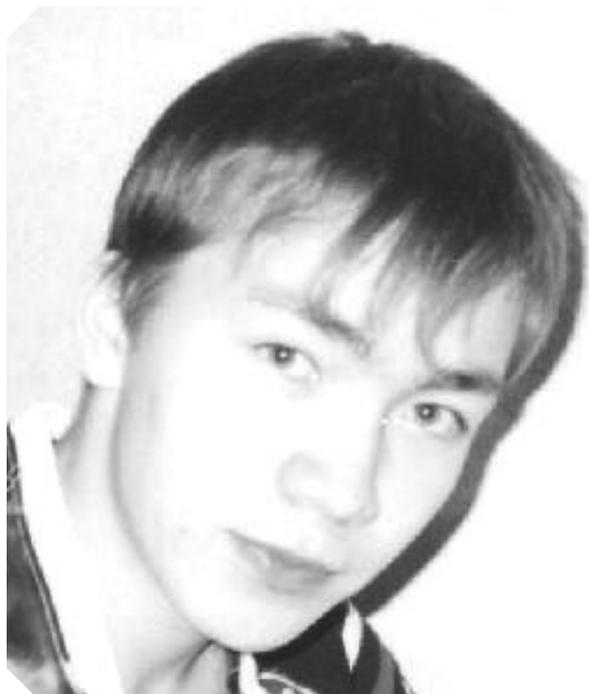
Но вот к подножию Башни Дозора подплыли золотисто-белые облака.

– Мы полетим на облаках, совсем, как высшие духи! – с восторгом закричали друзья, вскакивая каждый на свое облако.

И вот около Башни остался только один Ворон, а наши герои с шумом взмыли вверх, навстречу новым приключениям.

(Продолжение следует)

Иван ПЕЧЕРСКИХ

Предчувствие

Я не из тех, кто знаменит,
И не из тех, кому внимают.
Но предвкушая свой зенит,
Я что-то страшно понимаю,

Когда на царственных балах, –
Одет по-нищенски убого, –
Встречаю в мутных зеркалах
Лицо языческого Бога...

Мы видели это во сне...

Мы видели это во сне, –
Мерцанье мечей торопливых,
Багровые волны прилива...
Ты помнишь, мой Брат молчаливый? –
Мы видели это во сне!

Мы видели это во сне, –
Тропинку вперед и налево,
И тень исполинского древа...
Ты помнишь, моя Королева? –
Мы видели это во сне!

Мы видели это во сне, –
Тот бой навсегда сумасбродный
Над пастию бездны голодной...
Ты помнишь, мой Враг благородный? –
Мы видели это во сне!

Нынче пел тебе песню...

Владиславу Пяткову

Нынче пел тебе песню милую, –
Ты заслушался песней этою,
Ты слова ее скоро выучил,
И тайком от всех распевал навзрыд...

Вот и песнь моя на устах твоих!
Вот и песнь моя на устах твоих!

Нынче пел тебе песню грустную, –
Ты расплакался, пригорюнился!
А восставши вдруг от рыдания,
Молчаливым стал и задумчивым...

Вот и грусть моя на плечах твоих!
Вот и грусть моя на плечах твоих!

Нынче пел тебе песню страшную, –
Ты бояться стал черных слов ее, –
И прервал тогда мое пение
Золотой твой меч, крови алчущий...

Вот и кровь моя на клинке твоём!
Вот и кровь моя на клинке твоём!

Смертельно больной

I
Сорок дней и ночей. Дни и ночи без сна.
Я желаю последнее время – до капли.
Я решил так сегодняшним утром.
А в палате моей на восточной стене
На нелепой оранжевой полке
Так не к месту пестреет икона
И чернеет святое распятие.
Третий день мне приносят живые цветы
В несуразных горшках.
Я их ставлю всегда на второй подоконник.

II
Десять дней и ночей. Ночью страшные сны.
По утрам я молюсь на святое распятие.
Перед сном я молюсь на икону.
Каждый вечер я снова боюсь засыпать.
И поэтому каждое утро
Я люблю и хочу просыпаться.
Я совсем не слежу за цветами.
В несуразных горшках пересохла земля.
Я забыл их полить.
И, конечно, забуду полить их и завтра.

III
Три томительных дня. Столько славных ночей.
Я во сне вижу замок из белого камня.
Я хочу в этот царственный замок.
На втором подоконнике вянут цветы.
Но я рад, что они умирают.
Мне известно – еще не однажды
Я увижу их вечно живыми.
Они вянут затем, чтобы вновь расцвести
На бескрайнем лугу,
Том, что к югу от замка из белого камня.

У костра

Ты смотришь, словно старшая сестра, –
С такой тоской, но нежно и жеманно.
И так всю ночь... У тихого костра
Мы жадно дышим влагою тумана.

В разлуке долгой сладко вспоминать
Все чудеса осенних равноденствий.
Родная, нет, – ты не сошла с ума! –
Все повторяется в последнем Совершенстве.

Безвидна ночь. Ты смотришь, как сестра, –
Все также грустно, нежно и жеманно.
И так всю жизнь. У вечного костра
Мы дышим влагой вечного тумана.

Декабрь

Какое чудо! Что за прелесть! –
На куполах монастыря
Огнями белого апреля
Пылает полдень декабря.

Темнеет. Тихо. Благодатно.
Покой плавает во все края!
Ах, сколь раскидисто и ладно
Приходит вечер декабря.

Луна и звезды серебрятся –
Снега сияньем серебрят.
Сугробы с отблесками глянца.
Блестит полночь декабря.

Морозный воздух неги полон –
В нём искры снежные горят,
Дрожат от звонов колоколен, –
Приходит утро декабря.

Дон Жуан

Ты желаешь любви? Попроси!
Для меня – настезь окна всех девичьих
спален.

Я, наверное, слишком красив...
Я, наверное, слишком печален...

О, созвучие наших имен! –
Как умело ты лжешь – но обманешь
навряд ли.

Я, наверное, слишком умен...
Я, наверное, слишком догадлив...

Ночь уходит. Пылает Восток.
Что ты взглядом щенка теребишь мою
спину?

Я, наверное, слишком жесток...
Я, наверное, слишком невинен...

Слезы на ветру

Анне Брыкаловой

Она боится взглядов ниже плеч, –
И потому не ходит на свиданья,
Живет во снах, пришедших на диване,
Рожденных ею в собственном тепле.

Она боится внешней красоты, –
Своей - чужой - неважно – все едино:
Что есть в Мужчине признак Господина,
А в Женщине – лишь признак Пустоты.

Она всегда играет чью-то роль,
И у нее есть миллионы масок, –
Все разных форм, размеров и окрасок,
Есть псевдоним. И должен быть пароль...

Пароль должно быть сложен в простоте:
Я разгадаю. Но одна пометка:
Передо мною – наглая кокетка,
И все бы так... Ан нет! Глаза не те!

А я назло узнаю в ней сестру!
И буду говорить с ней, как с сестрою.
И доведу до слез своей игрою.
Как это мило, – плакать на ветру!

Ах, эти слезы – капли серебра!
И o-le-la, она срывает маску, –
Массивный ромб из древнего дамаска,
И восклицает нежно: “Здравствуй, брат!”

Мы льнем друг к другу – к новому теплу,
Идем гулять, бродить -- ладонь в ладони, –
Предчувствуя побеги и погони,
И горечь неминуемых разлук.

И снова слезы ветер серебрят...
А в нашей встрече – суетной, прощальной, –
Быть может зря все будет так печально?
Хотя печаль – она всегда не зря.

А мне по нраву сумрачная грусть, –
И потому свой каждый скучный вечер
Я буду вспоминать о наших встречах:
Тоску в глазах, и слезы на ветру.

ЭТНЕ

Между светом

В тот день в металлической толще видимых вод уже явственно проступили лики красного солнца. И железные корабли перестали приплавать в тот день, и как будто бы не вернулись люди, ушедшие вслед водам, окружившим ее город. В другие дни воды уйдут с поверхности и наступит будто бы тогда пустыня. Беспомощно лягут боками на соленую землю бескрылые морские кони, и ветер не станет больше причесывать шелковистые гривы парусов.

Она жила на самом верху высотного дома, под самым небом, как ей порою казалось в смутных снах почти незаметной жизни. И в тот день, когда в окнах домов вновь зажглись вечерние лампы, не загорелся свет ее небольшой квартирке под крышей, зажатой в прямые тиски углов, улиц и магистралей. В приходящей темноте она долго смотрела на узкий проем между многоэтажками вдалеке, между ними еще проглядывало солнце. Там, на самом верхнем этаже одного из домов, одиноко вырисовывался балкон. Казалось странным, что балкон был только один. И на самой вершине. Она и раньше любила смотреть на него. Очень хотелось стоять там, ощущать в волосах тот ветер, который дует в каком-то другом небе. И непреодолимо звали тогда иные дальние земли.

В тот миг, когда свет стал уходящим, эта картинка с одним маленьким балконом на алой полоске между двумя уже потемневши-

ми глыбами домов надолго застыла в ее глазах, мозаично растворяясь в них. Как одна из многих случайных фотографий, завалывшихся в ящичке любого стола. А дальше за этими домами, как знали люди, была окраина. И как будто там больше ничего уже не было.

И только постепенно она стала замечать, что все стало как-то не так. Слышала, как приходили знакомые люди. Голоса и шаги. Шаги и снова чьи-то уже чужие ей голоса. Они заглядывали в ее комнату, где так любили незамутненный свет, что никогда не закрывали стеклянные глаза окна, всегда держа их открытыми. Пытались поговорить, но уже тогда она стала чувствовать, как по каплям вытекала из ее тела живая теплая жидкость. Такого красного цвета. Им было непонятно, зачем она держала у себя аквариум без рыб, доверху наполненный водой. И для чего на всех стенах расклеены вырванные из дорогих рекламных журналов листы с фотографиями красивых местечек совершенно разных стран. Они унесли единственную, оставшуюся не засохшей, фиалку. А потом был день, когда никто не пришел. И потом были такие же дни.

Лишь иногда она слышала тяжелое дыхание своего заболевшего пса. Но почему-то она могла видеть только его лапы, застывшие у порога комнаты, а выше них ничего не было. Это очень пугало. Что-то было не так, как обычно. Жуть ненормальности тяжестью повисала в пространстве замкнувшегося мира. Тогда и стали размываться границы ее обычной реальности как будто сточными водами, которыми питался этот город. Часто были такие ночи, когда она слышала их течение под собой. Вода секундами отмеряла замедлившееся ночное время, глухо стуча по ванне и вязкими упрямыми каплями стекала по телу. Ей казалось, что от этой воды оно становится другим, она проникала внутрь, эта вода. Стала ясно чувствовать, где и как находятся волокна нервов. Однажды она стала ощущать себя только ими. А все остальное тело перестало существовать. И еще она не видела себя в зеркале. Потом треснуло стекло на девичьих часах. Они были в форме маленького сердца.

Казалось, эти темные воды стали течь по всем ее внутренностям и через них она окуналась в сны чужих людей. Бродила по извилистым дорогам их внутренних миров. Собою проживала их судьбы, слышала голоса давно ушедших за окраину людей. И билось тогда в ней множество человеческих сердец. И было так, что темная вода становилась светлой, а светлая – темной. Когда темной было больше, то ей хотелось кричать. И проливалось много душевной крови. Переставала кричать лишь тогда, когда светлая и темная вода уравновешивали друг друга в ее странном существе.

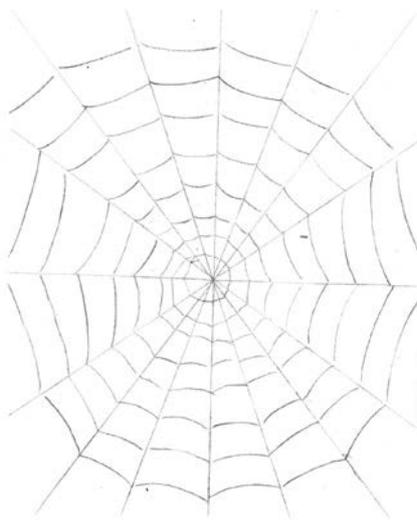
Эти воды подступали каждую ночь. И каждую ночь она вела борьбу внутри себя.

Однажды, в полусне, пробудилась в какой-то пустыне. Она не помнила, чтобы когда-либо в своей обычной жизни видела такой ярко-красный песок. На небе застыло два солнца, эти два ярких глаза как будто разрезали ее тело, а вместе с ним и весь окружающий мир пополам. Это было состояние промежутка, между «до» и «после». Дул сухой, обжигающий жарой ветер. Девушка долго брела по этой почти умершей земле, каждый шаг болью отдавался в ней – она смешивала свою кровь с кровью пустыни. И не было видно края опустошенного пространства. Смутно помнила, как набрела на разрушенную статую когда-то величественного гиганта. Он ей показался очень и очень знакомым. Таким близким. Там, в конце межграницы, она склонит свою голову у его поверженных ног.

В другой своей полуяви она очутилась в неизвестных ей водах, беспредельно разлившихся повсюду, насколько хватало глаз. Не узнавала свое тело, так легко и быстро оно перемещалось по водной поверхности. Прошло уже очень много времени, как она плыла в одном, интуитивно выбранном ею направлении, кажется, что-то ища. Где-то должен был быть уже ее дом, где-то здесь, рядом, она точно это знала. Но вокруг была одна и та же молчаливая вода. Девушка устала плыть и остановилась, долго смотря на зеленую луну. И вдруг с ясной отчетливостью поняла – ее дома больше нет, и что нет больше земли, есть только эти потемневшие воды, в которых она тоже никого уже не встретит. И еще ее пронзило осознание, – она осталась в этих пугающе безмерных водах совершенно одна.

Множество птиц бились и царапали окно, пытаясь попасть внутрь. Оставили уродливые знаки на стекле. После этого перестал приходить день. Настала одна, протяжная тугим молчанием безысходная ночь. В ее квартире завелись пауки, плетущие огромные жутковатые паутины. И летали черные бабочки с большими крыльями. Они попадали в эти паучьи сети и многоногие твари пожирали их. Крысы с мерзкими жирными хвостами подгрызали стол и стулья. Ей было страшно и тоскливо. Она пыталась достучаться до других людей и открыть свою дверь. Но никто не слышал ее криков и не приходил. Лишь иногда в ее опустевшей квартире сиротливо звонил телефон. Но трубку уже никто не снимал.

Она очнулась от потока льющейся сверху воды. Открыла глаза и вновь почувствовала свое тело. Через провалившийся потолок увидела небо, оно проливалось ливнем и казалось, целило ее клетки. На вершинах облачных гор зачиналось полузабытое утро. Царапины от когтей исчезли и только длинные водяные струи бешено пульсировали на разбитом стекле.

Вскоре небо очистилось от водянистых хлябей, медленно всходило солнце. Его лучи нежно коснулись глаз краской обновленной крови, постепенно наполнявшей ее. Она увидела, как сильно обветшал дом. Обои свешивались бумажными лохмотьями, под ногами плавали чистые листы, плюшевые игрушки, какая-то одежда. На фотографиях остались лишь едва заметные цветные разводы, она никак не могла припомнить, что же было на них когда-то. Девушка стала собирать эти белые листы, свои любимые игрушки

и развешивала их сушиться. У нее сильно отросли волосы, почти до самых колен, чего никогда не случалось раньше. Вдруг почувствовав чье-то присутствие, оглянулась и увидела свою собаку: та смотрела умными и живыми глазами. Она ласково протянула к ней дрогнувшую, сильно похудевшую руку.

Кто-то открыл входную дверь. Это оказался ее старый друг, наконец-то отыскавший ключи от ее замков. Он тихо поставил свой мокрый потрепанный рюкзак и прислонился к косяку двери, глядя на нее. Сказал, что видимые воды опять вернулись, как это было когда-то раньше, еще до них, вновь питая земли, и корабли снова стали заходить в их город. Еще он сказал – ему нравятся ее длинные волосы. Она оглянулась на исходящее светом солнце, и кто-то как будто прошептал... сюда приходят только сильные ангелы... Как будто. И вновь показалось, что это уже когда-то происходило с ней, давным-давно, но не здесь, там, где было другое небо и другие воды, и солнце было иным. Но ощущение очень похожего дня всплыло из какой-то неизведанной ею доселе далекой памяти. И эти глаза... Она же видела их когда-то.

Вспомни...

Игорь ЛАВРИНЕНКО

Синий кораблик твой

Тундра

Небо не похоже на домашнее –
Купол во все стороны раскинутый,
Каждый день другое, не вчерашнее,
Небо просто к полюсу подвинуто.

Там на ранней заре у седого костра,
Где река только-только вошла в берега,
Наша юность бредет – наших весен сестра,
А в распадках еще не размыло снега.

А потом была сумерек тонкая прядь,
И качался ивняк, не хотел, видно, плыть,
Мы тогда не умели так много болтать,
Нам хватило двух слов, чтоб друг друга
открыть.

Грусть моя, моя печаль,
Сколько раз твердил – прощай...
Кто сказал: огонь погас,
Кто сказал, что дождь залил,
Врешь, огонь такой, как был,
Врешь, он просто нынче в нас, нынче в нас...

Светлой росой, ясной мечтой
Утро ласкает мир,
Слышу сквозь сон розовый звон –
Солнце встает вдали.

Теплая ночь отступает, не зная,
Что ожидает, ее ожидает.
Плачет, и травы слезой омывая,
Ночь отступает, прочь отступает.

Ранних ветров теплый мотив
Будит речной покой,
Птицы лесной робкий призыв
Верхней звенит струной.

Может быть, рядом с рассветом играют
Море из солнца, волны из мая,
А на волнах, парусами качая,
Синий кораблик утро встречает.

Светлым дождем, солнечным днем,
Морем – лазурь-травой,
Словно во сне мчится ко мне
Синий кораблик твой.

Звезды тоже умеют плакать,
вы когда-нибудь видели это?
Перед тем как упасть на землю
и растаять в ее тепле,
Вместе с каплями слез горючих льют
последние капли света,
И простившись с полярным небом,
растворяются в синей мгле.

И те капли падут на рощи, отражаются
в темных реках,
И плывут бесконечно долго по бескрайним
полям Земли.
И одна из них, так быть может, превратится
вдруг в человека...
Самых близких людей, наверно,
мы среди слез у звезды нашли.

Давай не будем говорить...

Давай не будем говорить...
 Мы столько слов уже сказали,
 Что трудно их не повторить.
 Мы будем дождик лишь дарить,
 Осенний дождик на ладони,
 Октябрьских заморозков нить
 И листьев ворохи на склоне.
 На склоне вечной суеты,
 Где мы столкнулись о мгновенье
 Неяркой радуги осенней,
 И стали руки вдруг пусты.
 Пусты, как в самый первый час,
 Когда ты школьные одежды
 Носил и верил, и надежды
 еще не покидали нас.

А ныне тяжесть этих лет
 Сквала мьсли, лишь сомненья
 Терзают ум до помутненья,
 В которых брезжит слабый свет.
 И я меняю все, что там,
 На этот свет, пока неяркий.
 Но пламя высветит помарки,
 Подскажет путь и нам, и вам.
 Как Гамлет – быть или не быть
 Тобой любимым человеком,
 А нет – растаять первым снегом,
 давай не будем говорить.

Маленькие костры

Ну, вот и все, остался только пепел
 От наших дальних маленьких костров,
 Но их огонь пока еще нам светит,
 А их тепло душе дарует кров.

Бескрайних тундр не пройденные версты,
 Больших болот, полярных островов,
 Еще зовут, еще нам всем не поздно,
 Пока в душе горит огонь костров.

И мы уйдем затем лишь, чтоб вернуться,
 Не для работ и не для громких слов,
 А чтобы просто взять и окунуться
 Душой в тепло от маленьких костров.

И пусть пока остался только пепел
 От наших дальних маленьких костров,
 Там в городах, огонь их ярко светит,
 А их тепло душе дарует кров.

Пусть уносится осень птицами

Пусть уносится осень птицами,
 Надо только открыть глаза,
 Не кончается мир ресницами,
 Даже если на них слеза.

Даже если на них отчаянье,
 А вокруг пустоты свинец...
 Посмотри – в поле дождь качается,
 Разве это всему конец?

И шальные, похмелья полные
 Облака оседлали свет.
 А на улице и не полдень, ведь –
 Просто осенью сер рассвет.

Просто радуги ты не поняла.
 А мы выдали семь цветов,
 Просто хмарь этот мир наполнила,
 Хмарь из слез и ненужных слов.

Черт-то с ней, с этой хмарью липовой,
 Я ведь знаю, горит за ней
 И зовет нас своими бликами
 Наша радуга в семь огней.

Лукерия ВАЛЕЙ

Песня

И снова море Карское, маня,
Навстречу тянет свои руки-волны,
Чтобы приветить, обласкать меня
И сердце вдохновением наполнить.

Я провожу у моря вечера,
Ловлю улыбку белолицей ночи,
Рыбацкие встречаю катера,
Что с гребней волн срывают пены клочья.

Пусть повторится море и волна,
Пусть у камней пушится пена снова,
Шумит прибой, но в сердце тишина.
А в тишине – рождаться песней новой.

Пролетели годы

Пролетели годы вереницей птичьей,
Даже на прощанье не взмахнув крылом,
Чтоб не обронить свой груз – красу девичью,
Чтоб не вспоминать мне с грустью о былом.

Вот такая нынче уж пора настала,
Павой не идти, касаясь чуть земли,
Лишь дойти до дому силушки осталось.
Снег скрипит, снежинки под ноги легли.

Что, моё сердечко, так стучишь неровно,
Ты же обновлённое, ты же со Христом?
– Просто я печалюсь о подружках верных,
Что в годах остались, в мире давнем том.

Лишь воспоминанья в черно-белом фото.
Изменить всё хочется, сделать всё цветным.
Может, милость Божью примет нынче кто-то,
Чтоб спасенью, свету радоваться с ним.

Юный дождик

Сеет дождик мелкий, неторопкий,
Всех прохладой одарить спешит.
С облегчением вздохнули сопки,
Внемя звонкой песенке в тиши.

Нет милей мелодии весенней!
Шепот первых листьев и цветов
С каплей дождевою с неба, с сини!
Для хвалы мне не хватает слов.

Ночью белой нам никак не спится,
Хочется продлить тот дивный день,
Хочется взмахнуть крылом, как птица,
Отодвинуть и рассеять тень.

Радоваться дождику нам стоит,
И совсем некстати этот зонт,
Что раскрылся вдруг над головою,
Закрывая ближний горизонт.

Пусть идёт он мелкими шагами,
Превращая в зеркало асфальт,
Обнимая нежными руками,
Он любовью первую богат!

Весенний полёт

На ладонях заснеженных сопок
Приютились олени стада.
Из-под полоза нарт брызжет соком
Вновь брусника, брусника моя!

Ах, весна взволновала мне душу,
Песни юности снова летят.
Как в далёкие годы я слышу
Слабый писк тех утят-лебедят.

Крылья слабые вновь расправляю,
И учусь, как и птицы, летать.
Дни не те, да, не те, это знаю,
Ну, а разве нельзя помечтать?

Молодые, а где ваша песня?
Вновь весна оперенье даёт.
Вырывайтесь из клетки той тесной,
Отправляйтесь в весенний полёт.

Нет, не может исчезнуть романтик,
Он с поэзией сжился навек.
А весной запоёт даже нытик,
Вдохновится любой человек.

Матрена ТАЛЕЕВА

ВЫ' ХАДАКО''

Царка маркана''
Теневана'' ма''лёян''
Нюту' ню вадарць
Хадако'' парумби''.
Сейто' маймба
Пя' мят' тюнга''.

Пя''мя'' мой
Сэвм' майбгамби:
Ханярина намдэд''
Сидяңгахат сырца'',
Таңы вы' явна
Мюсертархава''.

Цацекэця'' тэри''
Хадакуто' пумна
Суюдарев яда''.
Сэвридо' мэ''на,
Хадакуто' няю
Саном' ханасеты''.

Хадакоця'' нод''
Нюту' ню нэва
Салмрасьгыдо'.
Индо' сава нэва
Сякнато' нади:
Ванерабсеты''.

Харто' понгнандо'
Хэтувндадо' цока.
Хусувэй ненд'
Харта вы' яда,
Харта илемяда
Сюдбабцраха.

Тарця'' ма''лёя'' –
Тарана сер''.
Нюна'' ню'' ха''
Ненэй вадаханя
Тэри паннангу''.

Цоб'' сяхаңгава''
Вы' яна тавна
Харто' вадакомдо'
Мал'' мэтадо'!

БАБУШКИ – ТУНДРОВИЧКИ

В столичный «Теневана» клуб
Идёт, торопится народ.
Вновь бабушки то там, то тут
Внучаток за руки ведут.
Уютный деревянный дом,
Как прежде, радует сердца.

А обстановка – нет родней,
Картинам радуется глаз,
С которых смотрят на людей
Цветы, расцветшие для нас.
Мы словно в летней тундре вновь,
В кочевиях своих родных.

Внучатам интересно всё,
Здесь оленятами снуют,
Тундровый быт им надо знать,
От бабушек не отстают.
В их руки тёплые они
Игрушки-нухуко кладут.

Головки внуков бабушки
Поглаживают ласково.
С отличным настроением
Проходит вечер славный наш.
Улыбка добродушия
Не сходит уж с лица.

Есть что сказать у каждого,
Ведь в жизни много видано.
Земля, судьба тундровая,
Здесь всё не перечесать.
Своею жизнью делятся,
Как в песне-судбабц водится.

Сердечки наполняются
У внуков словом ненецким,
Чтоб слов родных звучание
Не унесли ветра.
Знай, дело очень нужное –
Такие встречи славные.

Перевод Л.А Валея

Валентина ГОРЧАКОВА

* * *

Волшебство новогодней ночи
С детства в нашей душе таиться.
И поверить захочется очень,
Что вернется зимы колесница.

Вспыхнет небо огнем фейерверков
И рассыплется звездной пылью.
Заглянув за заветную дверку,
Перепутаем небыль с былью.

Сердце снова не в такт забьется,
И опять голова кругом...
Робко времени круг замкнется.
Мы ведь только узнали друг друга.

Не шумели над нами метели,
И не выл за окошком ветер.
Наши души, как птицы, летели –
То зима приоткрыла дверцу.

* * *

Как отличить игру
от подлинного чувства?
Избитые слова
от шепота души?
Подделку
от бессмертного искусства?..
Поверьте мне, все средства хороши
Для достиженья цели,
коль пустынна
Душа,
не освещённая огнем,
Что кружит в вальсе медленном старинном,
Тем,
что мешает ночи с ясным днем.
Но, если свет струится неземной
Из глаз,
неся тепло при встрече, -
Несчастен тот,
кто увлечен игрой,
И рассыпается в руладах лживой речи.

Ночь

Лунный свет проникнет легкой дымкой,
Разгоняя сны, лелея грусть.
Ночь пройдет лукавой невидимкой
Только ей известный вечный путь.

Вслед за ней струится шлейф лиловый,
В переливах радужных искрясь.
Ветер в небе шарфик бирюзовый
Спрятал в тучи, явно веселясь.

Украшая звездами прическу,
Ночь глядится в зеркало реки,
Отодвинет берега полоску,
Сбросит с ног усталых башмаки.

По росе пройдет она босая,
Сохранив душевное тепло,
И, внезапно крылья распуская,
Спрячет всех влюбленных под крыло.

Навстречу ветрам

Бежит по судьбе резвый конь,
Копытами дни отмеряя,
Уздечку его только тронь –
Он вздыбится, жизнью играя
Забывшего страх седока,
Что править хотел понемногу.
Я знаю, не дрогнет рука
Твоя,

Но доверь это Богу.
Он мудр, нам его не понять –
Глядим со своей «колокольни».
Но время не движется вспять,
Порою признать это больно.
«Все к лучшему», - скажем друзьям,
Разумный исчерпавши довод.
Скачи же навстречу ветрам,
Скакун, я не трону твой повод!

Переправа

Замолчал телефон, лишь звенит тишина,
Так звенит, что в душе отдается.
Боль пульсирует эхом, как гитары струна,-
То судьба своенравная дерзко смеется.

Отпустила поводья; по привычке рука
Снова тянется править конем-судьбоносом:
Переправа опасная – жизни река
Ведь не в гору бежит, а скользит по утесам.

Пенясь, бьется о скалы ледяная вода...
Не по нраву был путь, что толпою проторен?!
Вслед за риском шагает по свету беда:
Проверяет, достаточно ль путник проворен.

Для проворства и прыти нет желанья и сил,
Лишь таится надежда, что Бог не оставит...
Вот бумажный кораблик из детства приплыл
Для того, чтоб на отмель меня переправить.

* * *

В тени рябиновой, на лавочке, старушка
Присела, утомившись в летний зной.
Ребенком поодаль забытая игрушка,
Как яркий всплеск из жизни, но иной.

Отец ей в детстве смастерил лошадку –
По дереву он славный мастер был.
А чай-то пили с сахаром «вприглядку»,
С куском, что крестный в праздник подарил.

Родные образы растаяли, как тени.
Улыбка грустная окрасила черты,
В них сохранилась мудрость поколений,
Они полны душевной доброты.

А тот малыш, чья жизнь так беззаботна,
Полна игрушек разных и конфет,
Пусть путь пройдет свой жизненный свободно
И мудрость пронесет чрез вехи лет.

* * *

Закапал дождь, не так чтоб «из ведра»,
Но стало вдруг так холодно и сыро.
К закату лето, осени пора
Смотреть нам в окна грустно и уныло.

От глаз ее лег на душу покой,
А осень, как капризная девчонка,
Смахнув дождевки тонкою рукой,
В лицо смеялась озорно и звонко.

Красуясь ожерельем из рябин,
Меняла изумрудные наряды
На золото и пурпур, в миг один
Забыв, что ей и золота не надо...

С улыбкой грустной смотрим лету вслед:
Мы ж строили себе дома из листьев
Под проливным дождем прошедших лет,
Чтоб душу сохранить сухой и чистой.

* * *

Притих к полудню говорливый лес,
Не слышно птиц, легонько веет ветер.
Как из цилиндра, полного чудес,
Два мыльных пузыря сверкнули в свете
Лучей, огнем сияющих с небес.

Один, красуясь из последних сил,
Устало опустился в паутину
И, лопнув, паутину оросил.
Другой держался, напрягая спину,
Подхвачен вверх потоком ветра был.
Таким путем покинул он чужбину.

Душа у нас взлететь стремится ввысь.
Порой мечтает тело с ней расстаться...
Пусть трудно, отдыхать не торопись,
Держись, ты знаешь, можно продержаться!

Ольга ПАШУН

Деревья в инее, лыжня, –
 Картина в рамке на стене
 Кусочком мартовского дня
 Напоминает о весне.
 Зимы таинственная власть
 Ещё сильна – лежат снега,
 Метели из снежинок прясть
 Не устает её рука.
 Придет на Север к нам весна
 И птичий гомон, и капель
 Деревья пробудить от сна
 Поможет в солнечный апрель.
 Все это будет, а пока
 Деревья спят, бежит лыжня,
 Лежат безмолвные снега
 В кусочке мартовского дня.

Воспоминание о Средиземноморье

Почему мне не снятся пальмы
 И горячий сухой песок?
 Почему не тревожит больше
 Моря синего шепоток?
 Хоть загар шоколадный сходит,
 Не стремлюсь покидать зиму.
 Перестали мне сниться пальмы,
 Перестали... а почему?

Пусть судьба в тиски сожмет,-
 Распрямись пружинкой.
 Станет снег вдруг ручейком,
 Капелькой – снежинка.

Поздней осенью, в дожди,
 Не пускай грусть в сердце,-
 Ты представь, – капель играет
 Маленькое скерцо.

Радугою разукрась
 Скуку будней серых,
 На кораблике бумажном
 В путь пускайся смело.

Ты смахни печали, как
 Со стола соринки.
 Пусть судьба в тиски сожмет,
 Распрямись пружинкой.

Не храни обиды в сердце,
 Отпусти их, не лелея.
 Дождь, пролившийся из тучи,
 Небо делает светлее.

В ожерелье собирает
 Солнца луч с травы дождинки,
 Вздох, слетевший незаметно,
 Высушит твои слезинки.

Умывает землю дождик,
 Солнышко лучами греет.
 Не храни обиды в сердце,-
 Знай – природа нас мудрее.

Инга АРТЕЕВА

М е г а п о л и с

Приехали...

Пятьсот метров толкания в хаотичной людской реке. Маршрутка. Пассажиры набиваются под завязку. Шофер-кавказец: «Стоя – нельзя!» Последние быстренько захлопывают двери. Едут. Стоя. Останавливаемся каждую минуту: то шофер откупается на каких-то шлагбаумах непонятно от чего, то перед нами страшная гряда машин, конца которой не видно. Машины режут обиженными коровами. Вижу в лобовое стекло: перед шлагбаумом, к которому мы подъезжаем, стоит микроавтобус. Он горит. Ровно половину автомобиля облизывает желтое пламя. Нам предстоит остановиться у этого дурацкого шлагбаума, чтобы водитель отдал очередную мзду. Горящая машина примерно в полтора метрах. Остальные машины – впритирку. Паники нет. Все пассажиры абсолютно спокойны, на них страшная картина даже не производит впечатления чего-то особенного.

У меня странная отрешенность от происходящего. Ощущение такое, как будто смотришь привычные новостные ужастики. Повезло в них не попасть – проехали. Остается сознание того, что взрыв все равно прозвучит, как только огонь достигнет бензобака. Водители не рвутся тушить пламя на чужой машине, хотя у каждого есть огнетушитель, а пожарной машине, чтоб подъехать, придется подняться в воздух.

Противно дрожат пальцы рук. Напротив, над окном – листочек:

*Других не зли и сам не злись,
Мы гости в этом бренном мире,
А если что не так – смирись,
Будь поумнее – улыбнись.
Холодной думай головую,
Ведь в мире все закономерно.
Зло, излученное тобою
К тебе вернется непременно.*

Омар Хайям

...Улыбаюсь. В зеркале над водительской головой вижу, что получается довольно криво...

Суматоха

Люди спуют. Надо успеть втиснуться в душную клетку метро. Люди тесно прижаты друг к другу – и каждый сам по себе. Впереди – шляпа в кожаном пальто. Локтями пихается. В какой-то момент оборачивается. Смотрит. Как там говорят? Божий одуванчик? Чертов кактус! Остервенение в глазах.

Остановились. Втекло больше, чем мог вместить вагон. Давка. Друг на друга никто не смотрит. Взгляд – внутрь себя. Либо глаза захлопнуты намертво, как металлический сейф. Аборигены за годы, проведенные в поземных камерах, научились спать стоя, как лошади. Кое-кто читает. Читать в метро – так же непо-

нятно, как спать стоя. Ведь невозможно так отключиться от суеты и давки метро, чтобы все книжное понимать и переживать! Получается – это тоже способ спрятать глаза. Так и живут: глаза зашторены, в ушах – затычки плееров.

Одеты разно. Эфемерная в белом пальто и розовом шарфе старается отодвинуться от толстухи в мужской шапке и чем-то нечистом. На долю секунды включили глаза, встретились, презрительно обожгли друг друга. Отвернулись.

Стеклопанельная мышеловка вагона разинула пасть, выпуская. Только не озираться по сторонам, не выдавать провинциала. Под каменной стеной – две пестрые женщины. Та, что помоложе, сидит, вытянув ноги и уронив голову набок, прямо на кафеле метрополитена. Стараюсь не пялиться.

Час пик

Шесть букв, которые ничего не говорят. Со стен смотрят герои сражений. Они, наверное, гордятся потомками, потому что видят те еще битвы!

Воздух, как теплый липкий лимонад. Многометровая давка перед эскалатором. Безысходное топтание почти на месте. Людская каша по сантиметру приближается, чтобы выплеснуться на заветные ступеньки. Людская пробка.

Везде видны рекламные плакаты. Среди русских и уже привычных английских букв – китайские иероглифы. Каждый из них похож на схему проезда, в конце которого обязательно – тупик.

Каша стекает с эскалатора и вдавливаются в вагоны. Картина в окне – на перроне, среди движущейся массы – два истукана на скамейке. Вне времени. Вне спешки. Из другой жизни. Она в заношенной куртке цвета грязного кирпича, с серым лицом, которое почти полностью закрывает мужская шляпа. Он – в длинном пальто, больше похожем на халат. Из глаз сочатся серые слезы. К середине неизвестно как прилеплен кусок грязной тряпки. Он обозначает пластырь на том месте, где должен быть нос. Пустые глаза никуда не смотрят. Картинка, виденная пару секунд, перед глазами еще долго. Это хорошо, что в метро дети не ездят.

Каша выливается из вагона – и вновь на эскалатор. Люди на встречной линии настолько неживые, что даже не манекены – фотографии.

С эскалатора поток выносит на улицу. Невыносимо желание морозного свежего воздуха. Однако вместо глотка воды – полный рот пыльно-бензиновой жижи. Хотя – прохладнее. От этого чувствую себя лучше и улыбаюсь.

Игорь ЛАВРИНЕНКО**Бугрино**

Скажи мне, брат, а где оно, поселок этот Бугрино?
Одно понятно, что оно не ближний свет,
Но вот нам выпала звезда – тебе и мне лететь туда,
И выполнять Международный, блин, проект.

Мы прилетаем в Бугрино, и начинается кино, –
Толпа собак и местных рвется в вертолет.
Кругом висит отборный мат – пилоты наши матерят
И прилетевших, и того, кто здесь живет.

Разгрузка, разные дела, вертушка полная ушла,
Мы на площадке – шмоток куча велика.
Пришел зампред, болезный вид, и нам с надрывом говорит,
Что все козлы кругом, а он за ишака.

Что все на нем, и все на нем, и тащит воз и в ночь, и днем,
Не просыха... не продыхая ношу прет,
А вездеход был где-то тут, но хрен его нам подадут,
Водила – падала, снова водку где-то пьет.

И мы сидим, как два перста, ну ни хрена себе места –
Кругом болота, в общем, чистый Баскервиль.
Потом зампред и говорит: – Чего сидим, душа горит,
Пошли в контору и бери весь свой утиль.

Перетащили барахло мы под конторское крыло,
Зампред Петрович предоставил кабинет,
Пошли с Петровичем опять водилу пьяного искать,
Сказал он, может быть, найдем, а может, нет.

Сперва попался вездеход, один, как в море пароход,
Без экипажа за околицей гудел,
Петрович матерно ругнул, потом в нутро его шагнул,
И прекратил в момент подобный беспредел.

Потом три раза морды бил, о перспективах говорил,
Хвалил кого-то – знатный был оленевод!
Пусть он в углу пока лежит, оно надежней – не сбежит,
Назавтра он проводником с тобой пойдет.

Потом мы встретили зомбей, вот лиц не помню, хоть убей,
Кто посвежее, а кому наверно – год,
Петрович каждому – привет! Мол, завтра утром в кабинет,
Мол, завтра утром ровно в восемь на развод.

Дела вершили по уму, народу повидали тьму,
А вот зачем? Пока, ей богу, не пойму,
Но, в общем-то, не в этом суть, а в том, что вроде завтра в путь,
От Бугрино до буровой хоть как-нибудь.

От Бугрино до буровой, такая трасса не впервой,
Но вездеход едва ползет и весь помят,
Но все проблемы за бортом, одна проблема только в том,
Что вездеходчик капитально был поддат.

Прошли по трассе полчаса и где-то лопнули троса,
 Ремни ослабли и цилиндры перегрелись,
 А вездеходчик весь дрожит, мол, рубиконы-рубежи мы перешли,
 И лишь на допинг я надеюсь.

Машина дальше не пойдет, пока начальник не нальет
 Сто грамм, иначе – возвращаемся на базу!
 Начальник оказался крут – сказал, что точно не нальют,
 Пока нет даже полпути – не пьем ни разу!

И тут же сделались ремни, и перегревы, черт возьми,
 Исчезли, словно, не бывало их в помине,
 Мы снова двинулись вперед, казалось, точно на восход,
 Куда ж на деле – непонятно и поныне.

Наш проводник, как проводник, усталый дядька, сразу сник,
 Слегка утух и задремал немного вроде,
 А вездеход себе ползет, нам сверху кажется вперед,
 А вот по компасу все западней уходит.

Наш вездеходчик вроде спит, и проводник совсем затих,
 А вездеход уже ползет по вертикали,
 Все барахло уже в зад, а мы – на нем и ту звезду,
 Что в путь позвала, матом крыть уже устали.

Потом торфяник, косогор, а вездеход туда попер,
 И я подумал: все – нормальные не пляшут, –
 Но вдруг проснулся машинист и прекратил дорогу вниз,
 Потом гляжу, и проводник руками машет.

И вот настало полпути и мужиков пора спасти,
 Сто грамм для каждого, чтоб светлым был их взгляд,
 Но светлым был он полчаса, потом умолкли голоса,
 Гляжу, шофер и проводник в кабине спят.

А вездеход сам знает путь, один ползет куда-нибудь,
 Как истребитель у Высоцкого летал,
 Но, наконец, застыл в пике, на вертикали и в песке,
 И тут черед будить водителя настал.

Потом была река-ручей, где много ледяных ключей,
 Где окунались они оба – стон и смех,
 И пусть труба огнем горит, людская мудрость говорит,
 Что смельчакам всегда сопутствует успех.

Но вот, закончился поход, и жив остался вездеход,
 А с ним и мы прошли намеченный маршрут,
 Стоим на собственных ногах и наш шофер не на рогах,
 С проводником у костерка тихонько пьют.

Ах, Бугрино, ты, Бугрино, кому-то может все равно,
 А вот для нас милее места в мире нет,
 Зима пройдет, мы все одно, опять поедем в Бугрино,
 Хотя для нас оно совсем не ближний свет!

Сергей МИТЬКИН

- Где?
- На ждущем воробье
- Где?
- На сплюснутой свинье
- Где?
- На спятившем слоне
- Где?
- У вас на бороде

- Как?
- А, словно бы сквозняк
- Как?
- Устроивши бардак
- Как?
- Увидев, да не так
- Как?
- Напяливши колпак
- Как?
- Над горизонтом реет флаг!

- Что?
- Летящее пальто
- Что?
- Жующее Лит'О
- Что?
- Живущее в авто
- Что?
- Ни это и не то
- Что?
- Не целясь выбитые сто

- Молодец!

Машина

Машина сидела
 Машина молчала
 И в сладкой ночи
 Странный взор свой теряла

Как выверен слог
 вдохновенной земли!
 Как к стати идеи бестелой воды!
 Опять расступаются тучи
 над полем,
 Где весело пляшут зеленые
 кони
 И раздается веселая песня

Песня:

Машина...
 Машина...
 Машина...
 Машина...
 Здравствуй, Подножье!
 Здравствуй, Вершина!

Прыг на травинку,

Скок на цветочек,
 Семечко, дай новый
 солнцу росточек.

Здравствуйте, кони!
 Здравствуйте, свиньи!
 Вы столь быстры, нас
 не покиньте.

Встанем рядочком
 Друг к другу бочочком
 Да разбредемся,
 Да песню споем.

*Фигурки сплетаются из меня
 Поодаль показывается свинья*

Свинья:

Славная песня,
 Веселая песня,
 И спели неплохо
 Просто заслушаться!
 А ведь еще и кони танцуют!

Хор:

Да, свинья
 Да, свинья
 Это кони танцуют.

Танец коней:

Прыг-скок
 Прыг-скок
 На восток – скок
 На запад – скок
 Поворот
 Хвостом вперед
 Оп! Оп!
 Вбок прыг
 Копытами:
 Топ, топ,
 Клац, клац
 Гривами:
 Пщц – пщц.

Радостно!
 Радостно!

Свинья:

Весело!
 Весело!

Хор:

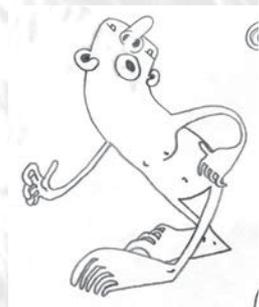
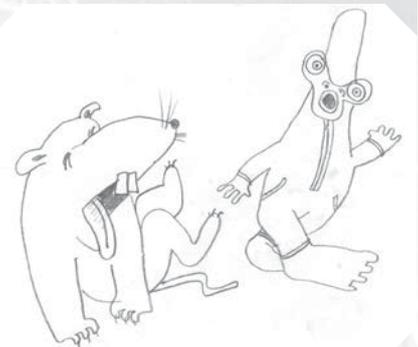
Радостно!
 Радостно!

Бог из машины:

Весело!
 Весело!

Свиньи, кони – все едины
 Все умны, стройны, красивы
 Не нарадуюсь на вас
 Ваш теперь настанет час!

*Вот такая вышла сказка
 С непредвиденной развязкой*

Валентина ГОРЧАКОВА

КЛУБНЫЙ КАПУСТНИК

С.В. Тарабукину

Он в жизни делал все всерьез,
К нам приходил всегда тверез,
Издal свое «Месторождение»,
Читал свои стихотворения.
Он был всегда и прав и ЛЕВ
У ног прекрасных королев.
Когда ж под Пушкина строчил,
Своей он сказкой поразил!

И.В. Коткиной

Любит песни и «приколы»,
В клуб идет она из школы.
Часто вредные советы,
Словно Остер, раздает...
Так СКРОМНЫЕ ее мечты,
Их легко осушествить:
Просто нужно подарить
То, чего не может быть.

О.В. Торопову

Часто за полночь с полной кружкой
Чая крепкого он курил.
Под шумок котлов он с подружкой –
Луной грустной говорил.
И не шел он шагом размеренным,
Забегал он к нам ВТОРОПЯХ,
Удивляя стихов размерами,
Воспевая друзей в стихах.

О.П. Пашун

Даже котик на коленях...
Песни ей мурлычет нежно.
Кто на свитере оленей
Вышивает белоснежных?
На чужое горе сердце отзовется острой
И тогда она сумеет обогреть ВЕСЬ МИР ^{болью –}
любовью!

И.А. Лавриненко

Бывало, жил средь МЕДВЕДЕЙ,
Лишь вспоминая про людей,
И от туманов частых он сходил с ума.
Так песни под гитару пел,
Что волновали песни те,
Ласкали душу и лишали сна.
Впервые открывал он перед нами
И остров Долгий, и Матвеев с Зеленцами.

Артеевой И.А.

Расскажет, как у беса сыночка выкупать,
Когда бывает старость,
Что сердцем чует мать.
С гитарой часто дружит,
Но грусть в ее душе.
И переделкой гимна ЗАМУЧЕНА уже!

Апостолы Петр и Дмитр

Лунные страсти

(пьеса)

*Глаза безмолвны, дух застыл.
Не выражая интереса,
Спросил воды бездвижный исполин.
И сам же зачерпнул из тазика воды;
И все это не вызвало движенья.*

И все это просило уважения, и все это терпело восхищения, а не просто, чтобы взять и выхлебать и быть довольным!

(входят Комендант и два рыцаря)

1-й Рыцарь: – Я помню, ковшиком воды набрал, хотел испить... Но очарован был Луны прекрасным ликом, что в ковшике была отражена! Поставил здесь. А кто-то взял и выпил! Я спрашиваю, кто схлебал Луну?!

Комендант (прохаживаясь вокруг колодца, загадочно): – Не пил ... Не знал...

2-й Рыцарь (обращаясь к 1-му Рыцарю): – Мой друг, гляжу на Коменданта и дивлюсь, какой-то странный он сегодня, боюсь, объелся белены.

1-й Рыцарь: А может этот желтомордый, жеманный пес сожрал Луну?!

Комендант (не слыша, не замечая их): – Кружу, кружу, жу-жу... попалась пчелка! Меду, злая захотела?! Куда же ты летела, за кружкой кваса, молока? Иль ты хотела у колодца... задобрить доброго державного полуслеплого старика?

2-й Рыцарь: – Он бредит, с тех пор как вылакал Луну!

1-й Рыцарь: – Так это он?! Сейчас его помну!

...Из ткани тело прохрустело и обездвиженный старик снял всю с себя одежду без движений. И тут же замер, не прошел и миг. Глаза его наполнились пустотой.

Беззвучно вытянул старик: – Ты наслаждался не Луною, ты в пустоте бродил один?.. Вопрос?.. Ответ! Не в этом дело.

Био – Love

Я вас любил разглядывать
Под микроскопом.
То передом вы повернетесь
Задом, боком...
Как вы божественны!
Как вы чудны!
Как суетны изгибы,
И как пространны ноги, губы.
Как я люблю вас,
Милая моя бацилла!
Как крохотны и беззащитны вы!
Я буду верность вам хранить,
Вас защищать.
И сквозь стекло волшебное
Вас щекотать!

Д.

Книга разума, воли, земли

Было это давным-давно. Тогда еще не было снега, но был уже дождь.

Ветер дул очень слабо и небо застыло. Люди этого бы не заметили, если б не слышали хруст. Небо! Хруст! Небо хрустит! Небо сломалось, разбилось. Люди сгнули, исчез глупый мир. Все задохнулось. Вот она – воля великой земли.

П.

Пришествие пророка

I
Как появился пророк? Когда появился порок, тогда появился Пророк. Но как появился Пророк?

Про что говорили мы? Про рок. Пророк зарождался в яйце, и все было бы хорошо, если бы Петя не поджарил яичницу.

II
Появился человек, он нес в кармане яйцо. Он вззошел на пьедестал и прокричал: «В этом яйце Пророк!»

Пророк вылез из яйца и сказал: «Вот слово Божье. Библия – карта для тугоухих, посох для полоумного, компас для слепого, мяч для футболиста! Адские врата ему не страшны! Вы благодарны?»

Человек положил пророка в яйцо и прокричал: «Сейчас я поджарю яичницу!»

III
В яйце было тесно – совсем для Пророка не место. «Дурацкая вещь – биология!» - подумал Пророк.

Снаружи послышался голос: «Я верю, что Бог есть! Поэтому и хочу поджарить это яйцо! Если он есть, то он обязательно что-нибудь скажет, он как-нибудь остановит меня».

Человек занес над яйцом нож для удара. Потом он ударил по яйцу, яйцо вытекло на сковородку и зашипело – ни голоса, ни крика, ни грома, только тишина. Погас свет, человек подумал и сказал: «Видимо, этот Бог – немой».

«Вряд ли этот человек попадет в рай» - подумал Бог.

«Тра – рай – рай! Это знак», - подумал человек, выплевывая яичницу.

«Не по вкусу ему пришлось учение Пророка» - подумал Бог.

«Как унизительно больно!» - подумал Пророк.

«Какое отвратительное желтое яйцо!» - подумал человек.

«Сам такой! – подумал Пророк.

«Может, послать мессию в виде котлеты?» - подумал Бог.

P.S. – Петя, яй жарьца, Петя, почему ты не яишь жарьца?

П.Д.

Пишем...

Пишем...
Пишем поэму о поэтах.
Поэты живут высоко,
Поэты плавают глубоко,
Поэтому мы о поэтах и пишем.
И если в руках есть одиножды грифель,
Им мы покроем святую обитель.
Не будет утыкано точками небо,
И что бы не видел, и где бы я не был,
За мною скрываются люди – их лица,
Горы, дороги, селенья, столицы.
Мальчика тянет в саду веселиться,
Дедушку тянет застыть в небе птицей,
В выси холодной совсем раствориться.

Пишу...

Катя сидит и пишет
Я сижу и пишу –
Поэтому часто дышу.
Катя садится спиной ко мне,
Катя на стуле, а я на стене.
Я тень ее распрекрасного тела,
Я кожа ее, я дыхание неба.
Белым оленем, копытами черными
Чертим в пространностях дня наши мысли
Чертим, а сами в небе повисли.

Допотопы

Допотоп Иван, – дотопаешься!
До пота, до потопы.
Потап Допотопный
Топает по болотам
Топает до седьмого пота.
Потом присядет и напьется
КОМПОТА.

Ох, как неловко – теребить головку,
Ох, как нелегко – ехать теперь далеко...
Остановиться у самых ворот,
Высунуть язык, разязвить дырявый рот.
А как войдешь на двор, свернешь за поворот, –
Не иначе – дожидайся новых хлопот.
Вон, двое идут и вроде без злого умысла,
А отвернешься, стащат твои коромысла!

Булонский лес

В лесу Булонском, в тысяча шестом,
Брел старый странник в рубище с шестом.
Он брел и песню слушал соловьиною,
Былину жаворонка, ночную жалобу совиною.

Шел ночью старец в тысяча шестом,
Во тьме ощупывал кусты шестом.
Ему, что тьма, что свет – слепой,
Шел старец ночью темною домой.

Шел старец год и месяц без недели.
Над ним смыкали свои ветви ели,
Луна светила над его седой главой.
А что ему? Ему то все равно.
Слепой...

Двое и один

Ночь. Темень. Темным – темно...
 Вдали пылает костер. Идут двое. Между двумя – один. Двое неразличны друг от друга. Средний, что между ними, от них отличим.
 ... Молчание, треск костра, к Луне тянется дым...

Оба, что неразлучно – неразличны, внутри похожи, но наоборот. А третий между ними дух недвижимый, что смотрится со стороны, как идиот. На том молчание хранили, узревши в небесах седую сталь; сталь, извиваясь, порождала, как бы между прочим, почти потустороннюю печаль.

Стихал в окрестностях звук брани, звук сечи нежити и мира. А эти двое все сидели, а третий между ними все смердел...

Луна... Луна обоих оглядела, а третий был ей невдомек. Он слишком странный и неясный не то, что дым, что к ней потек.

Наш взор на них, на ДВОИХ, на Луну и то, что между ними, а сзади будто шепот.

И шепот этот тише ночи.

Его не слышно, он внутри.

И средний тот, он нам сродни.

Он не похож на нас, но он нам близок очень.

И всё молчит и он молчит.

А если он заговорит? А если он затараторит?!

Споет, стихи прочтет?! То что тогда?!

Да-а, мысль об этом не раз входила в гости к двум похожим, но их поступки мало отражались на нем (на том, кого мы третьим называем).

И вот, среди тысячи других миров,

Сквозь толщу лет и расстояний

Снимаем мы заветный тайнства покров

И узреваем то, к чему, без покаяний,

Без ежедневных сует, без еженочных снов...

К чему мы душу травим?

А он (тот третий) не спешит

И горд сознанием потери,

Что двое бьются за него

И часто – в кровь!..

Клавиши

Клавиши нарисовали на стене. Кто мог научиться играть в тишине? Кто смог бы писать в воздухе пальцем? Я не умею, я не хочу слышать от тех, кого нет, то, что я слеп. Люди, которые плесенью покрыли материки. Раковой опухолью расплозились по телу планеты, как черви копошатся в ее чреве, как клещи роют ее поверхность. Во всем слышится одобрение: «Удобрение полезнее, чем навоз!» Люди, перестаньте же, – чем навоз вам так не по душе, чем вам рассуждать, лучше вам распадаться на атомы. Я устал, а люди? Люди, как котлета на блюде, жрут, чтобы их жрали! Я не хочу так.

Разговор с эфирным

1 – Капля желтого исписанного уродства. Текст мелкий, как кусок бл...а!

2 – Нет, это коктейль из бисера новомодных писак.

1 – Как? И вы внемлете слову?

2 – Я понимаю, я понимаю вас... но позвольте, вы позвольте мне закончить?

1 – Хотите, как всегда?

2 – Да!

1 – Тогда, как хотите, и перестаньте кривить вашими мыслефункциями.

2 – Я не о том...

1 – О чем опять вы? Все не можете успокоиться.

2 – Как я могу, я непроизвольное расщепление атома. Я, как капля того... проклятого... этого, того, что сейчас из меня изливается.

1 – Об этом еще Достоевский писал?

2 – Он не об этом, он о другом, а я о том, что из меня выходят слезы – метаморфозы. Я так стремительно меняюсь, не дай вам бог такого счастья, как я, терпеть стезю ненастья. Столь скорого изменчивого облика и смысла.

1 – Как складно вы с себя слагаете венец... вы просто мастер перевоплощения – молодец!

2 – Не стоит вам себя считать без умысла неправым, откройтесь тайному, но органичному и, между тем, безграничному. Осмыслите свое первостепенство, мне пора, я обращаюсь в более эфирную субстанцию. Мне пора, прощайте.

1 – Так что, я с собой разговаривал?

Нервная система

У человека было две нервных системы, одна очень нервная, другая не очень. С виду человек обычный и приятный, а между тем, не совсем обычный. Бывает, случится у него посреди улицы нервный припадок, а потом сразу за ним – второй. А все потому, что две нервных системы, одна – которая совсем уж нервная, а другая – не очень. Идет он по городу и думает: «Хорошо, что у меня их не три, а то бы вообще, как я себя бы чувствовал после трех припадков? А так вообще, жизнь удивительно построена, у всех все нормально – одна жена, одна жизнь, одна, наконец, нервная система. А у меня? Просто черт знает что! Уж лучше две печени!» А потом испугался и думает, ну, уж нет! Это я зря так. Хотя, может, так было бы лучше? И пошел к доктору. На прием. В очереди, конечно, нервничал за двоих, а когда попал к врачу, устал тоже вдвое сильнее обычного. Сидел устало на кушетке, смотрел на запыленные ботинки и молчал. А доктор на другом конце кабинета спокойно грыз ногти и ждал... У доктора вообще не было нервной системы.

Д.

Современный русский поэт Вячеслав Тюняев из Тулы подарил литобъединению «Заполярье» свою новую книгу «лирических произведений третьего периода творчества». Знакомим наших читателей с его стихотворениями.

Вячеслав ТЮНЯЕВ

Я вышел

Я вышел в рубище
На скользкую панель
Политики.
Но от моих услуг
Все отказались.

Скупцы.
Дрожат за грош,
А потеряют сто.
Скопцы программ
Убогих, доморощенных.

Зачем же так?..
Лишать меня
Древнейшего занятия...
Я пеплом бы
Посыпал голову.
Но не курю.

Пойду-ка выбивать
Наскальные
Рекламные рисунки.
За них я получу
Кусяру мяса.

Поиск

Тише. Идет поиск
Сверхчуда.
Каждый, уповающий
На звезду, судьбу, себя,
Астрального гения,
Этим занят.
Дотошно исследует
Сверхестественное,
Мир аномалий
И бессознательного,
Вверяя терминологии
Обнаруженное.

Погружается в плен
Значимой суеты
Самовозникающих теорий.
Призывает и –
Становится призванным.

Вот уж кто при деле.
Таковым не грозит
Безработица.

Что я, ничтожный,
В сравнении с ними,
Исполинскими колоссами

Тайного мирознания?
Только и могу
Дивиться их
Неиссякающему рвению.

Мне же остается
Поворотом головы
Каждый день
Открывать небо,
Обращаясь не к природе,
А к Тому,
Кто ее создал.

Мне ли, отстающему,
Не уповать на Нетленного
В познаниях естества,
Когда я, явный,
Не в чьем-нибудь,
А в Его мире?!

По Его следам

Бога не бывает удобного,
И Его нельзя применить
В своих интересах.
Он – не программа
для пользователя.

Он – не шкатулка чудес.
Храм Его – не вместилище
развлечений.
Его не вызывают
на время,
Чтобы усладить тщеславие
В час, когда душа смущена
И просит лирики.
С Ним нельзя заключить
делку,
И ему нельзя предъявить
ультиматум,
Если тернист земной путь.

Осознавая дела Его,
К Богу можно стремиться,
Ступая по его следам.

Водный импульс

Когда месяц занимает
Свой внутренний рейд,
А звезды мерцают
Разбросанными маяками,
Все мировые воды,
Получив импульс
Из бездн океанов,
Замирают на миг,
Инстинктивно вспоминая
Дотехногенные времена.

Тогда вода
Кратко спит
И видит себя
Кристалльной,
Чистой.

Инга АРТЕЕВА

Автобиография

Моя мама, Валентина Спиридоновна Канюкова, родилась в 1955 году в Канинской тундре. Именно это наименование указано в ее паспорте в графе «место рождения». Это сейчас всех тундровых рожениц привозят в Нарьян-Мар, а тогда все было иначе. Она была крохой, когда утонули ее родители-рыбаки, и осталась маленькая Валя в тундре в бабушкой. Именно из-за ее рассказов мне так близок образ, который так часто встречается в ненецких эпических песнях, образ сироты, которая растет в тундре с бабушкой. Чтобы непоседа не убежала в тундру, бабушке приходилось пугать ее: вывернет паницу наизнанку и идет к чуму, ревет страшным голосом: «Где тут Валя-нацкы?!» Мама боялась, и когда бабушка уходила в тундру, послушно оставалась одна в чуме.

Пришло время учиться, и Валю у бабушки забрали.

Ее и других таких же дичков поселили в Шоинскую школу-интернат. То, что в мире существуют и другие дети, было настоящим потрясением для Вали, думавшей, что они с бабушкой – одни на всем свете. Рослая девочка-коми с громким голосом определила Валю к себе в куклы. У маленькой тундровички были длинные черные волосы, и любимым занятием новой подружки и заступницы было – делать ей прически. Зато Валю никто не обижал. Но летом случилось страшное. Дети, чьи родители жили не в стойбищах, уехали домой, а тундровички остались на время в интернате. Во избежание педикулеза всех до одного ... побрили налысо!

Вернулась рослая подруга. Увидев Валю, она всплеснула руками: «Зачем это?!» и убежала их комнаты. Но прежде малышка с ужасом увидела в круглых глазах слезы. Через минуту подруга вернулась и кинула на пол сверток. Бумажная обертка лопнула и рассыпалось богатство: яркие заколки, резинки и невидимки с бусинами. Она зло крикнула: «Забирай! Это я тебе везла!» И ушла. Валя понимала, что чем-то страшно провинилась перед подругой, но чем именно, было непонятно. Она еще долго всхлипывала над неведомыми ранее украшениями, обхватив колючую голову. Теперь вся эта сказочная красота была ей ни к чему, и оттого казалась еще желаннее.

Пролетели школьные годы, и мама отправилась в далекий Свердловск, учиться на геофизика.

В годы студенчества у мамы было два кавалера. Один из них был чуткий интел-

лигентный еврей из семьи ученых. И смешалась бы во мне кровь ненцев-кочевников с кровью евреев, если бы второй соискатель маминой руки не был высокий красавец с льяными кудрями и гитарой. Вдобавок у него были самые широченные клещи, а за редкой красоты голос его так и звали – Сашка-соловушка. Он и стал моим отцом.

Непонятно почему, но все супружеские пары в первую очередь ждут мальчика. Мои родители исключением не были. Сначала думали меня назвать Валерой, но бабушка в письмах отсоветовала маме: «Будут звать «Валера – холера!»». Тогда было решено – Максим. И 9 мая 1977 года под крики демонстрантов «Ура!» и грохот коммунистических песен родилась... я. Мама растерялась поначалу, но подсказала красная дата: «Конечно, Виктория!». Так я стала Викой. На два дня. Оформить свидетельство о рождении поручили папе. Папа, утомленный празднованием рождения первенца, по пути в ЗАГС завернул в кинотеатр. Главную героиню фильма звали Инга. В ЗАГСе папа проследил, вспоминая финальную сцену, и в заявлении написал имя, которое семь раз в ответ на семь выстрелов любимой прокричал герой, умирая. Так я стала Ингой.

Получив специальность, родители отправились домой к маме, на Север, тем более, что бабушка по отцу, ярая коммунистка Валентина Дмитриевна, нас с мамой не особенно полюбила и при любом удобном случае гнала вон из дому. Родители два года проработали на Варандее, потом поехали в столицу – Нарьян-Мар.

Они на работу устроились гораздо быстрее, чем я попала в детский сад. Сидели со мною по очереди, иногда подбрасывали соседям по бараку.

В три с половиной года я научилась читать, и ... игрушки потеряли всякий смысл. В них не было волшебства. Книжное всегда додумываешь сама, а игрушки воспринимаешь так, как они даны, и не более. За два года сидения дома я перечитала все, что было: от сказок дядюшки Римуса про Братца Лиса и Братца Кролика до «Горя от ума» Грибоедова. Во «взрослых» книжках, я, конечно, мало что понимала, но мне нравилось, когда мама, встречаясь со знакомыми, рассказывала: «Уже Грибоедова читает!» Знакомые не верили, и я читала им на память здоровенные куски из поэмы, которые откладывались в голове безо всяких моих усилий. Эффект был потрясающий: меня долго хвалили, и даже если позже мне случалось провиниться, мама почти не ругала.

На смену чужим стихам пришли свои «придумки». Они были про все: про маму, про кошку и даже про Ленина:

*На параде кричат – Ленин!
В Ленинграде плакат – Ленин!*

*И как самое слово хорошее,
И как самое слово пригожее
Людам дорого слово – Ленин!*

Свои «придумки» я красиво оформляла: на обложку, склеенную из куска обоев, приклеивался переливающийся календарик, и внутри цветными карандашами выводилась «придумка»:

*У маленькой кошки
Короткие ножки,
И ей не достать со стола колбасу.
Я ей колбасу
Сама принесу.*

Наконец-то меня устроили в садик. Там меня более всего поразил миф про медузу Горгону, который нам читали. Потом я долго боялась вставать ночью в туалет. Мне казалось, что именно там меня ждет медуза Горгона.

В 1984 году в моей жизни произошли сразу три ярких события. Первое: я пошла в школу. По дороге я ревела, что у всех есть огромные букеты, а у меня ничего нет. Мама нарвала букет из иван-чая, росшего по дороге, уже довольно вялых ромашек и украсила эту импровизацию длинными травинками с колосками. Получилось не то, чтобы очень богато, но не как у всех. Я осталась довольна, тем более, что учительница сказала, что мой букет понравился ей больше всех. Так я получила первые уроки творческой импровизации.

Второе событие было и более печальным, и более значительным: у меня не стало папы. Он, человек довольно слабый, все чаще пел песни под хмельные крики приятелей и забывал о семье. Мама решила, что так дальше продолжаться не может, тем более, что приходящий навеселе папа не давал спать маме, уставшей от возни с третьим событием, потрясшим мою небольшую пока еще жизнь. У меня появилась сестра. Потом своими капризными криками она научит меня придумывать колыбельные. Дело в том, что она никак не хотела спать без песенок. Я качала ногой ее кроватку и на разные лады распевала тут же приходящие в голову истории, уже не заботясь о том, чтобы их рифмовать.

О том, что сказанная «придумка» в любой момент может реализоваться, я узнала, едва мне исполнилось восемь лет. В тот момент я была в санатории. По уставшему обычаю я рассказывала девочкам, жившим со мною в комнате, страшную «придумку» про мальчика, который умер во сне, потому что ему явилась страшная бабка и он от страха проглотил язык и задохнулся. Все повозились положенное время после того, как «придумка» закончилась, и уснули. Во сне я была дома. Шла по длинному коридору к двери прихожей. Когда я почти дотронулась до

ручки ее, дверь распахнулась. На пороге стояла страшная бабка. Она протянула ко мне руки и закричала: «Ага, попалась!» Мой крик перебудил весь этаж. Остаток ночи я провела в воспитательской, а наутро был конец смены и все прощались.

Когда я уже училась в пятом классе, мне вдруг стало жаль всех своих потерянных и забытых «придумок» и стихов. Я завела первую в своей жизни тетрадь для стихов. Сначала я писала в нее во время особенно скучных школьных уроков, жаль было времени, проведенного просто так, впустую. (Потом эта привычка укоренилась на всю жизнь: если где-то в очереди к бесценному специалисту поликлиники сидит человек с блокнотиком и карандашом и пишет, то это, скорее всего, я.) Все больше времени отдавалось моему новому увлечению, и я писала не то, что нужно, уже на всех уроках подряд. Результатом этого стала первая тройка в четверти в безупречном ранее аттестате. Но зато на переменах все толпились около моей парты: я писала про наш 5 «Г» сказочную повесть о том, как все мы полетели в волшебную страну и чудесно проводили там время. Впрочем, тех, кто мне не нравился, я в повесть не включила. Но были и те, кто особенно не нравился. Их я своим вниманием не обходила, а писала обидные стишки. За них-то однажды и пострадала. Двое хулиганов из класса подкараулили меня с подружками после школы. Подружки сразу испарились, а со мной стали «чинить разборки». Новую розовую болоньевую куртку, мою гордость, измазали комьями грязи. Потом один из них больно ухватил пятерней за лицо так, что оно полностью оказалось накрыто вонючей кожаной перчаткой с отрезанными пальцами и больно, до синяков давил, приговаривая: «Будешь еще про нас писать стишки, будешь...», а потом взял меня за плечи и с размаху усадил в лужу, навсегда изгадив светло-серую шерстяную юбку. Расправившись таким образом со мною, они ушли. Поплакав, я поднялась и побрела домой, мечтая о том, какая я стану богатая и красивая, и как они придут просить прощения, и что я им отвечу; а потом – какой у меня будет красивый сильный муж и сколько огромных сыновей, и как они отлупят моих обидчиков. Я вошла во вкус и не замечала, что, разговаривая, шествуя грязная по дороге, причем – вслух – и за все персонажи одновременно. Поняла я это, когда увидела взгляд женщины, идущей навстречу. Она попала мне как раз тогда, когда я гордо отказывала одному из обидчиков, смертельно в меня влюбленному, с ним встретиться. Я замолчала, но в тот день усвоила, что за стихи не всегда только хвалят.

Пора «гадкого утенка» настигла меня в тринадцать лет. Еще вчера не доставляв-

шая никаких хлопот взрослым пятиклассница, сегодня превратилась в противную особу с огромным носом с горбинкой («Ахматовский нос, ахматовский...») – шепталась мама с подругами, а я видела в этом только злую насмешку). Вчера еще писавшая трогательные романсы про Розу и Соловья, сегодня кидает в лицо свой протест всему миру:

Все весною согреться стараются,
Глядя в снега подошедшего лужицы,
Мыслию я : «Черта с два, товарищи,
Ничего у вас не получится!»

Как-то само собой вышло так, что и от сверстников я отдалилась. Достаточно было один раз столкнуться с предательством «лучших» подруг, чтобы перестать всем верить навсегда. Несимпатичная фраза: «Мой лучший друг – я сам» стала чуть ли не девизом. В самые горькие моменты поддерживали песни Цоя:

*Ты должен быть сильным,
Ты должен уметь сказать:
«Руки прочь, прочь от меня»,
Ты должен быть сильным,
Иначе зачем тебе быть?»*

Все чаще задумываюсь: что я такое? Зачем я? Разлад с матерью, которая устала от моих непонятных взглядов и неудобных вопросов, еще более обособил меня от всего мира. Днем я молчала или грубила всем, а ночью писала:

*Я до жгучих слез одинока,
Мокрый дождь на холодных окнах,
Сердца боль, да души усталость,
Вот и все, что со мной осталось...*

И было горько оттого, что никто не понимает, никто не знает меня, настоящую. Хотелось рассказать всему миру о том, что я гораздо лучше, чем кажусь, добрее, умнее... Случай представился.

Сердце замирало от собственной решимости, когда я поднималась по ступенькам, сжимая в руках дерматиновую тетрадку. Под бордовой обложкой было все: мои фантазии; моя любовь, которой даже тогда еще не было, а были красивые мечты о ней; все мои желания... Поднявшись, я нашла в людской толчее самого громкоголосого человека и обратилась к нему: «Вы - главный редактор?» Человек не был редактором. Он не был даже корреспондентом. Выбранный мною наугад человек оказался фотографом Сергеем Никифоровичем Бычиным. Он-то и отвел меня к Алексею Ильичу Пичкову, который стал моим первым настоящим наставником в мире поэзии. Так 3 августа 1991 году на страницах окружной газеты «Нарьяна Вындер» появились мои стихи. Открытая таким успехом, я писала все

больше. Стихи, вошедшие в публикацию «А вдруг и я им тоже дорога?» в 1992 году, впоследствии не раз читались мною со сцены на встречах с читателями и вошли в мой первый сборник.

«Официально» как поэта меня признали, когда я поступила учиться в Ненецкий зооветеринарный (теперь аграрно-экономический) техникум. Там тогда преподавал ныне известный в округе историк Александр Васильевич Чупров. И довольно часто его уроки превращались для меня в сольные концерты. По его просьбе меня освобождали от пары, я брала гитару и читала незнакомым студентам свои стихи, пела песни. Так начал появляться опыт работы с аудиторией. Именно благодаря этим «концертам» сейчас для меня не так сложно выступить со своими стихами и песнями, причем, насколько многочисленна аудитория и из кого состоит – это неважно, ведь мои стихи обращены ко всем. Каждый слушатель находит в них что-то свое, что порою мной даже не задумывалось... Но, несмотря на мои выступления, техникума я так и не закончила, ветеринара из меня не вышло, и я в конце концов окончила Вечернюю школу в 1999 году, чтобы получить хотя бы среднее образование.

Сборник «Все меняется к лучшему» вышел в 1998 после конгресса ненецкой интеллигенции, в котором меня пригласили принять участие. Было лестно, что меня пригласили, и, разумеется, я пришла. За неимением приличной зимней обуви – в обрезанных черных валенках. После конгресса Алексей Ильич подошел ко мне и сказал, чтобы я принесла стихи, которые у меня есть. Я, почти не веря своему счастью, каллиграфически переписала в тонкую тетрадку свой жалкий архив. Приличных стихов – без подросткового эпатажа и обиды на весь мир, из которой я на тот момент уже выросла, набралось двадцать с небольшим. Когда я впервые увидела тоненькую оранжевую книжечку с синим солнцем на обложке, мне казалось, что все, чего можно добиться в жизни, уже достигнуто. На руки мне выдали сколько-то авторских экземпляров, они мгновенно распозлись по знакомым и друзьям, которые у меня на тот момент уже были. Я уже давно жила не с мамой, а с мужем; мы расписались, едва нам исполнилось по восемнадцать лет. Нам с трехлетним ребенком негде было жить (мы скитались по дешевым съемным конуркам примерно одной и той же омерзительности), да и есть было почти нечего. Такие, как мы, работники: без образования и с малым ребенком на руках, не пользовались особым спросом. И вот в это самое время выходит мой сборник! Как я уже говорила, авторских экземпляров у меня быстро не стало, и я начала выкупать свой тираж у издателя. Я приходила в Институт усовер-

шенствования учителей и покупала свою книжку по три рубля за штуку. Потом шла по организациям, где ту же книжку с авторской надписью продавала по десять рублей. Сытный ужин нам был обеспечен! Это был практически единственный период в моей жизни, когда стихи меня кормили. Бывало потом, что жили на гонорары от статей, но это было уже совсем другое.

Более-менее стабильно семья стала жить, когда родственницы мужа устроили меня в 1999 году работать на рынок. Это было для меня ужасным потрясением: я только что поверила в то, что я – настоящий поэт, как я могу сидеть и торговать тряпками? А родня мужа не понимала другого: как можно сидеть и писать, в надежде на случайные заработки? Много было обид и недоразумений, бывало, я весь день сидела под прилавком и плакала от страха, что меня увидит кто-нибудь «приличный». Потом приходил «хозяин», какой-нибудь Агамир или Аловсат и орал, обращаясь ко всему рынку: «Что он плачет, эй? Ничего не продает, только плачет и хочет деньги!» Но со временем я научилась воспринимать это как игру, менять маски: если судьба хочет, чтобы я была торговкой, я буду самой лучшей торговкой! И скоро уже «хозяева», которые не знали, как избавиться от такого плохого продавца, начали переманивать меня друг у друга.

Как бы там ни было, рынок оказался для меня удивительной школой жизни. Все многообразие человеческих характеров, их достоинств, недостатков, слабостей и хитростей было перед глазами каждый день! Как и положено настоящему продавцу, я научилась «угадывать» человека: с этими стоит заговорить самой, эти пусть идут мимо, все равно вернуться. И все время наблюдала за людьми. Мне нравилось, услышав фрагмент диалога, додумать остальное; фантазировать, кем приходятся друг другу проходящие люди; как они живут, о чем говорят между собой; есть ли у них дети; как они познакомились и т.п. В общем, я ни минуты не скучала. Когда не было народа, я писала, чтобы не пропадало драгоценное время. Именно в тот период я училась писать статьи для газет, сотрудничая с газетой «Новый Нарьян-Мар». На самом деле, публикаций в «Новом Нарьян-Маре» было много, но далеко не все сохранились, а потом пропала и сама эта газета, как попадают все газеты, распускающиеся перед крупными политическими событиями.

Семья становилась на ноги, подрастал сын. Когда он пошел в школу, я решила,

что и мне тоже надо учиться. После неудачной попытки учиться на очном отделении филологического факультета, долго не могла определиться с выбором. Наконец, совершенно случайно узнала, что в Социально-гуманитарном колледже открылось новое заочное отделение, где обучают специальности «режиссер театральных представлений и праздников» и «педагог – организатор досуга». Я была в SGK уже на следующий день после того, как увидела это объявление. Был 2001 год.

По мере того, как я получала образование, появлялась вера в свои силы и острая потребность дать понять самой себе и миру вокруг меня, что я достойна большего, чем просто сидеть на рынке. В 2002 году меня приняли на работу педагогом дополнительного образования. Я уже неплохо играла на гитаре и стала преподавать любительскую игру по своей авторской программе в ДДТ «Звездочка». Параллельно устроилась работать в Этнокультурный центр НАО на должность, о которой, скажем, год назад, я не смела даже и мечтать: ведущий методист.

Именно работая в Этнокультурном центре, я познакомилась с огромным пластом ненецкой культуры, ранее мне неизвестным – ненецкими эпическими песнями. Но, к сожалению, большинство из них я увидела в некрасивом построчном переводе, где сохранялся просто смысл сказания. Засучив рукава, я принялась за работу. Так появились мои литературные обработки ненецких эпических песен, в том числе «Сив Ноеца».

Работая в ЭКЦ я познакомилась с Валерием Павловичем Афанасьевым, благодаря финансовой поддержке которого выйдут три моих последующий поэтических сборника. Было это так. В честь приезда именитых гостей ненецкому отделу ЭКЦ НАО поступил заказ: поставить настоящий ненецкий чум. Я тогда как раз ра-

ботала над эпическими песнями и очень интересовалась всем, что связано с ненецкой культурой. Лишние рабочие руки были нужны, и меня взяли с собой. Судьба распорядилась так, что в тот день гости, ради которых ставили чум, не приехали, и заказчики отдыхали без них. Как-то в разговоре я сказала о том, что пишу стихи. Попросили почитать, и в итоге получился такой импровизированный поэтический вечер, в конце которого Валерий Павлович вручил мне свой телефон и предложил привезти ему рукопись новой книги. Так в 2003 году появляется мой второй сборник «Грани» и заканчивается моя работа в ЭКЦ. Постоянные накладки одной работы на другую сделали свое дело. Пришлось выбирать что-то одно. Я осталась в «Звездочке».

Проблемы со здоровьем вынудили меня поехать в областную больницу в Архангельск. Благодаря этому, на первый взгляд, несчастливому стечению обстоятельств, я побывала в региональном отделении Союза писателей РФ, и лично познакомилась с председателем отделения Инэль Петровной Яшиной. Полчасовая беседа с нею дала мне больше, чем полгода обучения на филфаке. Ее острые замечания раскрывали мне глаза на явные ошибки в моих стихах. Как я раньше их не замечала? Много не зная в теории, писала всегда интуитивно и никогда не возвращалась к уже написанному. Эта встреча научила меня работать над стихом, искать более удачное слово, более точное сравнение. С тех пор я никогда не воспринимаю критику «в штыки», а всегда пытаюсь осмыслить, и часто она оказывается конструктивной.

Примерно в этот же период на работу в ЭКЦ в качестве председателя ЛитО «Заполярье» приходит Любовь Викторовна Царькова и начинается стремительное развитие деятельности литературного объединения. Вновь начинают выходить альманахи ЛитО «Заполярье», в которых есть место и для моих строк. Именно она в качестве редактора много поработала над моей книгой «Птица Ханавей». В 2005 году вышел этот сборник и произошло еще одно значительное событие: я получила диплом с отличием.

Много серьезных событий в моей литературной жизни принес и 2006 год: в самом начале я узнала о конкурсе на текст гимна Ненецкого автономного округа и приняла в нем участие. 8 июня 2006 года в газете «Нарьяна Вындер» вышло постановление утвердить именно мой вариант текста гимна НАО. Об этом я прочитала в газете, когда летела в самолете на поэтический праздник в город Вельск.

О поездке я написала очерк «Нарьян-Мар – Архангельск – Вельск», который вышел сразу в двух газетах: нарьянмарском общественно-политическом «Пульсе жизни»

и Вельском литературном «Графомане». Также в этом году выходит мой лучший (на сегодняшний день) сборник лирики «Зачарована небесными высями».

Я продолжаю работать в ДДТ «Звездочка» и поступила на факультет социальной работы в Северный государственный медицинский университет. Все в том же 2006 году я попробовала свои силы в прозе. По полученным отзывам, удачно: читатели очень хорошо приняли опубликованные главы из неоконченных повестей «За голосом Великого Нума» и «Три богатыря из Настоящего мира» и с нетерпением ждут продолжения. Сейчас работаю над ними. Я уже давно наметила, как именно будет складываться судьба каждого из героев, но проблема в том, что, когда садишься писать об этом, часто получается, что то, что ты задумала, на бумаге выглядит совсем неубедительно, а твои слова, вложенные в уста героя, звучат неестественно. Именно поэтому, например, «За голосом Великого Нума», который был задуман как рассказ о том, как в тундре появился бубен, уже давно вышел за пределы рассказа, а больше походит на повесть.

Вот так складывалась моя жизнь до настоящего момента, и в дальнейшем я тоже жду от нее только хорошего, ведь то, что не убивает нас, делает нас сильнее?

20 апреля 2007

Алла ДРОЗДОВСКАЯ**История о Рыжем ангеле**

Она целый день страдала головной болью. Странно, давно не было таких сильных приступов мигрени, что даже две съеденные за раз таблетки не помогают. Кофе уже сидит в организме настолько глубоко и, пропитав его весь насквозь, просто не пробуждает, а наоборот усыпляет все с большей силой. Это не рабочий ритм, а хаос какой-то.

Девушка с рыжей шевелюрой поправила пиджак и побрела в курилку: «Быть может, сигарета спасет меня... И что за странное состояние у меня сегодня. Наверное – это чувствительность к изменениям погоды? ХОТЯ... Короче, не знаю.» Размышляя об этом, она дошла до места, отведенного для курения, прикурила тонкую сигаретку и весь маленький коридор начал заполняться запахом никотина с привкусом вишни. Она давно не болела, поэтому это состояние приводило все ее маленькое сознание в шок. Мысли то и дело путались, и превращались в странного цвета смесь с разноцветными прожилками, не давая толком сосредоточиться на работе. А ведь сегодня понедельник, и ей надо сдавать проект, притом обязательно сегодня, потому что все возможные отсрочки она уже использовала.

Странность чувствовалась в ее неуверенных движениях, все кто видели Рыженькую Аду, принялись в срочном порядке обсуждать, все в той же курилке, ее личную жизнь. Бледная, как привидение, она прошествовала к своему кабинету. Села за компьютер и тупо уставилась в синий монитор. «Как меня напрягает этот цвет, – подумала она, и мысли завертелись в бешеном ритме, и казалось, что музыка, под которую она танцевала вчера в ресторане, звучит в этом хмуром офисе, и уносит ее, красивую и счастливую, в синем бархатном платье, в неизведанную даль любви и счастья. Но наяву этого так и не происходило.

Он, как всегда, опоздал минут примерно на двадцать, извинился и поцеловал в лоб, и именно тогда ей пришла мысль: «Всегда, ведь всегда при встрече целует, как покойника, а не как-то иначе. Может, покончить этот маскарад сегодня, сейчас. Зачем я буду тешить себя надеждами. Как я устала, может и правда, да ну ее, эту жизнь, пусть пропадет все пропадом.» Эти мысли облегчили ее израненную душу, и она опять преданно посмотрела ему в глаза. «Вот он, родной и самый любимый мой человечек, но все время какой-то чужой. Ты всегда был таким».

Они весьма недурно провели вместе вечер, и он, как всегда, усадил ее в машину. Ее платье он даже не заметил, впрочем, как и три часа, проведенные ею в салоне красоты. Настроение было испорчено окончательно еще и тем, что он сказал, что заедет на пару часов позже. Он должен поехать по делам (как это смешно). Он пробудет пару часов с ней позже, а потом уедет к себе. Подушка и простыни опять приобретут запах его тела и туалетной воды, призывая разум потеряться в его красивых речах, вечных обещаниях неизвестного происхождения. Опять не знать, чего от него ожидать, и кто она в его странной жизни. Это похоже на дешевую комедию неудачника-режиссера, и все же это была ее жизнь.

Налив себе очередную чашечку кофе, Нада принялась доделывать свой проект рекламы. Зная прекрасно, что в очередной раз он будет лучшим из представленных, что шеф опять даст приказ

на прибавку к зарплате, она скептически и почти автоматически дописала недостающие фразы. Ее волосы выбились из прически, эти упругие, огненно рыжие локоны обрамляли лицо, придавая ему сказочно-прекрасный вид. Надо было видеть это великолепие – ангел в современном мире! Но ей было не до красоты, просто хотелось сдать работу и забиться в тихое уютное кафе, заказать горячий шоколад с множеством сладостей и помечтать в одиночестве.

Ее работу и размышления прервал веселый голос: «Рыженькая, идем! Пора предстать перед вершителями наших судеб. Ты готова или нет? Такое впечатление, что ты меня вовсе не слышишь...». Это был один единственный человек из всех коллег, который, в отличие от других, никогда не завидовал ее успехам на работе и искренне верил в их дружбу. Его звали Макс.

– Да нет же, Дорогой Максик, я, естественно, готова! Ты лучше скажи, почему ты выбрал сегодня такую яркую оранжевую футболку?

– Ну надо же, ты очнулась! Я думал, ты ушла в свой мир грез, потому что весь отдел говорит, что ты выглядишь особенно странно. Вроде как пока ничего страшного я в тебе не заметил, а футболка – просто настроение такое вот оранжевое!

– Я обычная, и не вздумай мне перечить. Ладно, давай настраиваться на деловой лад. Серьезный взгляд, «дежурная улыбка» и к шефу!

Они нежно улыбнулись друг другу и пошли по воздушному переходу. Ее голова хоть на миг была занята обычными мыслями, что успокоило дрожащие пальцы и страшно быстро бьющееся сердце. На лице появился действительно серьезный взгляд и привычная для собраний «дежурная улыбка». Это придало рыжей красавице вид деловой женщины, жаль, потому что ангела в ней теперь было не разглядеть.

Совещание прошло, как обычно, в шумной обстановке. Ада в очередной раз получила лучшие отзывы о своем ролике. И ей опять стало скучно, так как жизнь отчего-то не меняется. Макс предлагал отметить очередной триумф, но она от-

казалась. Сама, кстати, не поняла, почему отказала другу пойти в кафе, которое находилось в Бухте. Они с Максом всегда отмечали такие мини-праздники именно там, но что-то в ней сломалось, и друг это понял. Ада же собрала сумочку, окинула взглядом свой кабинет – не забыла ли чего, и отправилась за машиной.

В гараже было прохладно, мурашки побежали по спине, и она поежилась. Закинув сумочку на заднее сиденье, села за руль, и впервые за несколько часов почувствовала, что вот-вот разревется, как маленькая девочка. Аделина отключила мобильный телефон, поставила свой любимый диск, прибавив звук так, что охранник недоверчиво заглянул в окно машины, и рванула с места.

Беспощадно лил дождь, и по лицу ее текли слезы... Слезы застилали глаза, на лице была веселая улыбка, она напевала слова из любимой песни; плохая видимость не дала ей увидеть упавший столб.

Аду нашли спустя шесть часов после аварии. Ее лицо сияло от счастья, хотя боль во всем теле отдавала пульсацией в голове. Она не слышала врачей, ей было хорошо, она знала, что будет жить. Но за то время, что ей пришлось быть одной на дороге, она переоценила все ценности. Теперь она точно знала, что ему нет места в ее жизни, все будет по-другому.

Она лежала на носилках в карете «скорой помощи» и впервые была просто человечески счастлива. Один из врачей вдруг произнес: «Она так похожа на ангела, рыжего красивого ангела! Но те живут на небе, а она будет и дальше украшать этот безжалостный мир своим присутствием!»

05.02.07

Мария АВВАКУМОВА

Мария Николаевна Аввакумова - поэт, автор шести поэтических книг, изданных в Москве. Родилась в Архангельской области. Училась в Казанском государственном университете. Журналист, член Союза писателей России.

Живет и работает в Москве. Стихи Марии Аввакумовой включены во многие антологические сборники, в том числе в антологию "Русская поэзия XX век". Их часто публикуют в архангельском литературно-художественном журнале "Двина".

Прислониться к луне

1

Я не знаю уже,
хорошо или плохо:
пролетела Судьба,
пролетела Эпоха,
пролетел караван,
клин, шеренга, цепочка...

Жизнь вцепилась в меня,
как болотная кочка...

2

Дай мне, земля... дай поглядеть
тайну твою хоть бы на треть:
терпишь ли нас?

скоро ль пробьет
крайний наш час?

Люди страшны. Нелюдей час.
Мучишь ли нас?
Учишь ли нас?
Гарью полно утро Земли.
Матерь моя, определи.

2002

Последние

Это время шустрых и везучих,
кто шарашить и блудить горазд.
Я же не хочу цепляться в случай,
это время мне не в самый раз.

Гор моих незыблемы вершины,
новый ветер шапки не сшибет.
А тысячелетние морщины
если кто безумный разведет...

отворятся в скалах подземелья,
духов на отместку возбудив,
и прольется зелие-веселье,
шустрых и везучих поглотив.

Но до той поры благой далече.
Ты, который слышит... может, ты
есть последний чистый человеке
среди этой подлой срамоты.

Малевич. Казнь мира сего

Он на русский белейший снег
бросил дьявольский черный квадрат...

Он был прав: наступивший рассвет
через семьдесят будет распят.

Через семьдесят с малым лет
всё растоптано, что взошло.

Только дьявольский черный цвет
всё растет-разрастается вширь.

Аввакумова чаша

Боровск... норов дикий, вихревой...
там зятанут нервный узел мой;
там, в стенах монашских, меж мышат,
жилки предка – в яме – верещат;
там мозжуха косточки мозжит,
там костявая усталых сторожит.

Но стоит в пяти-десят шагах
храм Мариин – знает что к чему:
не даёт ни смерти на-Борах,
но и жизни не дает ему.

Знать, не вся еще вскипела кипь,
не готова чаша для питья:
мыкайся, испытывай на крик
червие честного жития.

Древле-Боровск – дикий, вихревой,
спутанный древесной бахромой,
а оттоль топорщатся крюки:
три суда, три века, три реки.

... Время – плавь. Сможешь – правь!
... Бог придет. Да не тот.
Не заметит народ.

1999

*На закрытии фестиваля
в Каргополе:*

*Инэль Яшина, Елена Кузьмина, Иван Сабилло,
Сергей Куняев, Мария Аввакумова, Александр Логинов,
Инга Артеева Николай Шкаредный и другие*

ЭТНЕ

Не названное

1

Я часто вижу этот город, по крайней мере, мне кажется, что это был город. В подземке, протянувшейся глубоко под землей, стремительно выбегающей вверх и проносимой сквозь толщу моря; на улицах, пропитанных влагой и грязью, в моих одиноких прогулках по пустынному берегу и даже на шумных праздниках, наполненных шелестом пластиковых цветов и бабочек, одно и то же видение внезапно обрушивается на меня, и я опять брожу там неназванной, не понимая причин. «Густой солнечный свет, кажется, придавил этот город сверху, а крупный какой-то необычный песок постепенно погребает его под собой. Когда я попадаю сюда, здесь ничего никогда не меняется, даже время похоже одно и то же. Застывшее, неживое солнце и я не узнаю его... Чем больше времени я могу удерживать ощущение этого места, тем дальше я смогу пройти. Дома не похожи ни на что, что можно было бы увидеть в моей культуре, для меня это скорее древние хижинки, построенные из какого-то песчаника, такие были тысячи лет назад. Я захожу то в одну, то в другую из них и везде вижу один и тот же песок, ничего больше. Меня удивляет, что я не чувствую присутствия людей хоть в чем-то, никаких предметов или останков, совсем ничего. Иссушенные деревья изредка попадают то слева, то справа. Разломанные ступени культового храма... И везде этот песок. Мне подумалось, что эта властная стихия, состоящая из мельчайших и острых частичек, есть проявление силы еще более могущественной и универсальной».

«Сегодня я смогла забраться очень далеко, меня измотало подобное вторжение в мою жизнь, мне надо дойти до какого-то едва ощутимого конца и понять, зачем это видение приходит снова и снова. Многочисленные хижинки остались позади и начались мертвые заросли. Добела выжженные кости их ветвей еще долго пытались как будто не выпустить меня, хотя наверняка это мне только чудилось, видимо сбилась с пути и должна была быть другая дорога на побережье, куда я все таки сумела выбраться. Побережье... Почему-то ясно поняла, что это тоже остров, как и тот, на котором родилась и живу, где я, по крайней мере, знаю свое имя. Или думаю, что знаю. Где-то здесь есть та нить, которая свяжет все воедино, где-то здесь... Неожиданно до меня долетел едва уловимый звук, очень похожий на металлический скрип. Море заметно забеспокоилось. Но очень скоро неровные складки воды исчезли».

Передо мной стоял холодный кофе в дешевом одноразовом стаканчике такого же одноразового кафе, а я устало смотрю, как взбесившийся ветер нагоняет на город брюхатые соленые тучи. Знаю, что буду очень долго

подниматься на свой сотый этаж, с каждым метром этой ужасной высоты все больше теряя связь с собой, оставшейся то ли внизу, то ли еще где-то... Закину промокшую одежду в сушилку, горячий кофе вновь остынет, а гигантские ручища ветра будут рвать свинец неба совсем рядом, за прозрачной перегородкой стекла, несовместимой и хрупкой вблизи подобной ярости. Я знаю, что опять незаметно для себя усну в когда-то очень дорогое старое кресло, подобно скелету вымершего животного, медленно разваливающегося в моей ультрапрактичной и дешевой, типового белого цвета, современной кухне. И опять простыну этой ночью от сквозняков.

2

С того дня, это видение, после очень долгого перерыва, посетило меня лишь однажды. Я опять была на том побережье и долго брела вдоль кромки облизывающего мои ноги моря. А потом впервые увидела там закат, настоящий закат! Подобно зрелому плоду, солнце клонилось все ниже и ниже, выжимая свой темно-красный сок и окрашивая им небосклон, постепенно стекающий в воду. Вот здесь они все и ушли. Спокойно и радостно, в благоговении перед величайшим завершением, перед вечным движением колеса судьбоносных для них созвездий, находящихся на самых вершинах их далекого мира.

Ночью, когда неизмеримые потоки воды снова и снова обрушиваются на мой город, я часто просыпаюсь и вздрагиваю от одного и того же звука. Это скрип детских качелей, таких уже давным-давно нет, да и я ни разу не качалась на них, разве что моя прабабушка. Так и вижу эти проржавевшие, уже никому не нужные качели в старом, заросшем мусором парке. Это вызывает во мне неизъяснимую тоску по чему-то такому, названия которому я не могу в себе найти. Просто не помню. Очень хочется избавиться от этого, но не получится.

3

На удивление бесшумно и очень скоро, лифт спустился вниз. Теплая вода быстро текла по тротуару, щекоца щиколотки голых ног. Вокруг отовсюду струился свет, было необыкновенно светло и очень весело на душе. Пустынные улицы города как-то необычно преобразились, расширились, исчезло очень многое – яркие вывески, машины, люди, даже некоторые дома. Вскоре мне захотелось бежать, почти лететь над этим, ставшим таким неожиданно счастливым для меня, островом. Теперь я поняла, почему солнце застыло в непривычном для глаз месте. Я знаю – оно долго будет стоять там неподвижно, а потом резко скатится в море, как созревшее яблоко. Только я буду уже очень далеко.